

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 82.091

«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ II: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматриваются принципы, определявшие информационную политику Николая I внутри страны и в международном пространстве. Актуальность проблемы обусловлена тем, что просчеты николаевской администрации в построении информационной безопасности являются показательной иллюстрацией тех последствий, которые может иметь отсутствие системного, рационального и объективированного подхода к преодолению информационных угроз. Анализируется эффективность цензурных мер, призванных не допустить распространение в России европейских политических идей и антироссийской информации. Исследуются стратегические и тактические решения административного аппарата в отношении организации контрпропаганды за рубежом. Выясняется, что причиной допущенных ошибок стала недооценка влияния, которое оказывается на порядок вещей общественным мнением и прессой, а также недоверие административного аппарата к неинституализированным участникам информационного процесса.

Ключевые слова: имагология, информационная безопасность, ответная рецепция, цензура, III Отделение, Я. Н. Толстой, А. С. Хомяков, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи [72] мы продемонстрировали, что в пору военно-политического противостояния с наполеоновской Францией в России был создан прецедент добровольного участия в информационной войне патриотически мотивированных и не вовлеченных в официальный аппарат пропаганды литераторов, что повышало уровень информационной обороны и расширяло поле возможностей для поиска оперативно-тактических решений в сфере контрпропаганды. Впрочем, речь должна идти не только о литераторах. Противление наполеоновской пропаганде стихийно превращалось в одну из идеологических установок всего российского общества, а европейские кампании и взятие Парижа позволили русским военным в значительной степени развеять антироссийские мифы, навязанные европейскому обществу «наполеоновскими перьями».

А. Дюма вспоминал, что при наступлении российской армии усилиями французских пропагандистов даже по деревням были разосланы гравюры с пугающими изображениями казаков: «на отвратительных клячах, в шапках из звериных шкур, вооруженные копьями, луками и стрелами» [129, р. 243]. Однако, по впечатлениям Ж.-П. Гебль (позднее ставшей супругой декабриста И. А. Анненкова), знакомство французского населения с настоящими казаками, благодаря их «кротости и вежливости» [7, с. 55], развеивало опасения. Казаки продолжали восприниматься «наследниками диких кочевников», вызывали «страх и любопытство» [27, с. 17], но любопытство стремительно перебарывало страх.

Торжественное вступление русских войск в Париж стало кульминацией психологической победы: русские военные вызвали бурный восторг у жителей французской столицы. Даже участник Московского похода Стендаль был вынужден констатировать: «Все балконы кишели людьми; дамы были в восхищении от этого зрелища. <...> Они восторженно махали платками; каждая из них хотела увидеть, а может быть, и пленить императора Александра» [99, т. 11, с. 151]. Очевидец событий К. Н. Батюшков обращал внимание, что в этот момент парижская публика начинала отказываться от привычных баснословных представлений о русских [13, с. 271], о том же сообщает И. И. Лажечников [54, с. 233–236] и еще многие мемуаристы. Стремление русских преодолеть французские стереотипы моделировало поведенческую тактику: русские офицеры демонстрировали вполне европейские манеры и образованность. Один из них – Н. И. Лорер (будущий декабрист) – вспоминал позднее, насколько тщательно он старался произвести благоприятное впечатление на новых парижских знакомцев, дабы они «увидели и поняли русского порядочного человека» [59, с. 319]. Это желание Лорера воспринималось современниками как характерная примета исторического момента. Во всяком случае, Н. А. Бестужев по впечатлениям Лорера написал повесть «Русский в Париже 1814 года», где вывел образ офицера Глинского, который целенаправленно старается всем своим поведением «разуверить» парижских аристократов «в предубеждении, которое вообще все французы имели против русских» [17, с. 190].

Ясно, что совершенно разрушить французские национальные мифы русским не удалось (сомнительно, что это вообще выполнимая задача), однако за время пребывания во Франции (русская армия вступала в Париж дважды: в 1814 и 1815 гг., а до 1818 г. во Франции оставался тридцатитысячный оккупационный корпус) русским удалось нивелировать результаты наполеоновской пропаганды и добиться дружественного отношения со стороны французского населения [31]. Таким образом, одержав военную победу над Наполеоном, Россия смогла выиграть еще и информационно-психологическую войну, причем – благодаря консолидированным и добровольным усилиям значительной части российского общества.

В дальнейшем этот позитивный результат постепенно сходил на нет, во Франции оживали негативные национальные стереотипы, а страх перед фантомной «русской угрозой» приобретал вид откровенной истерии. Все это привело тому, что к моменту вступления Франции в Крымскую войну французы, как и в эпоху Наполеона I, воспринимали нападение на Россию в качестве превентивного удара, позволяющего избежать неизбежной «русской агрессии». Изучив общественное мнение Франции

кануна Крымской кампании, академик Е. В. Тарле приходил к выводу, что «эта война сопровождалась прямо-таки всеобщим ликованием во Франции»: «Наполеон III <...> встретился с единодушной поддержкой самых разнообразных общественных классов и политических партий, – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов» [102, с. 15]. Очевидно, что военный энтузиазм французов стал результатом проигрыша России в информационной войне и важным ресурсом для неприятеля в период реальных боевых действий. **Цель** настоящей статьи – проанализировать информационную политику России николаевской эпохи и выявить просчеты, допущенные в борьбе за европейское общественное мнение.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Антироссийские настроения во Франции в эпоху Священного союза

Ситуация межнационального восприятия всегда обусловлена двумя основными факторами: традиционными представлениями и актуальной исторической ситуацией. Применительно к первому следует отметить, что во Франции издавна бытовал «свод» мифов о России. Если излагать предельно схематично, то Россия виделась дикой, экзотической и мощной страной, противопоставленной европейской цивилизации. Такие качества *чужой* страны могли вызывать и страх, и любопытство, так что доминирование одного из этих «чувств» диктовалось в основном исторической конкретикой.

В 1814 и 1815 г. страх перед «русскими варварами» уступил место любопытству к «победителям корсиканского чудовища». Однако национальное поражение все же воспринималось болезненно. Большая поклонница Александра I и в целом благожелательно настроенная в отношении России Ж. де Сталь признавалась, что в 1814 г. ей было «невыносимо больно» наблюдать, что Париж занят «воинством, пришедшим из пределов Азии», для которого история и «великие люди» Франции «менее знакомы, чем последний татарский хан» [34, с. 228].

Реставрация Бурбонов пресекла буржуазно-либеральные устремления внутри Франции, а «венская система» законсервировала унижительное для французов международное положение. И то, и другое рождало в обществе жажду социальных перемен и геополитического реванша, что блокировалось самим существованием Священного союза, основанного на принципе незыблемости порядка вещей. Россия являлась наиболее последовательным и мощным членом этого Союза, а потому воспринималась в качестве основного препятствия для достижения внутри- и внешнеполитических интересов Франции. Растущее напряжение, пожалуй, можно было бы в значительной степени снять, пойдя на уступки общественному запросу хотя бы по одному из направлений. Стремясь к этому, Франция в эпоху Реставрации неоднократно предпринимала попытки за счет сближения с Россией добиться пересмотра «венской системы» и занять более выгодную международную позицию [114, с. 202–204]. Несостоявшийся «план Полиньяка» 1829 г., предполагавший склонить Россию к переделу европейских территорий, подвел черту под усилиями Бурбонов разрушить «венский баланс». Неготовность власти идти на социальные подвижки и отсутствие радикальных перемен в геополитике привели к революционному взрыву 1830 г.

Это событие означало, что Священный союз, сохранив нетронутой «карту Европы», все же не сумел защитить принцип легитимизма. Французское общество закономерно опасалось реакции великих держав. Наиболее враждебно на революцию отреагировал Николай I: он пригрозил французскому поверенному в делах вооруженным подавлением революции [123, кн. 2, с. 276], начал прощупывать решимость в этом вопросе Австрии и Пруссии, а «короля-буржуа» Луи-Филиппа отказался признавать равным легитимным монархам. Но, даже помимо этого, Россия уже в силу своей политической роли, воспринималась как потенциальная и почти неизбежная угроза завоеванным революцией свободам. Показательны в этом отношении слова одного из героев Стендаля – Люсьена Левен: «Никогда ни Россия, ни другие деспотии не простят нам Трех дней. Значит, сражаться будет прекрасно <...>» [99, т. 2, с. 14]. Те же настроения владели и самим Стендалем: «Сто тысяч человек вступили в национальную гвардию Парижа, – писал он в августе 1830 г. Саттону Шарпу. – Триста тысяч двадцатипятилетних мужчин с радостью пойдут воевать. Париж при теперешнем подъеме не сдался бы и двумстам тысячам русских» [99, т. 15, с. 221]. В. Гюго фиксировал свои опасения в «Дневнике революционера 1830 года»: «Весной будет нашествие русских» [32, с. 148].

Николай I не приступал к реальной подготовке военного похода на Францию, однако ужас французов перед «русским нашествием» все же перерос в истерию. Ситуация усугубилась Польским восстанием 1830 г. Хотя это и было внутренним делом России, но готовность Николая подавить мятеж вызвало острое возмущение в разгоряченном французском обществе. С парламентской трибуны звучали призывы защитить оружием «польскую революцию», которая остановила «варварские орды России» [115, с. 12] от нападения на Францию. Когда же мятежная Варшава пала, по Парижу прокатились антироссийские манифестации, а газеты всех политических направлений единодушно громили российскую политику [102, с. 21].

После этого Россия превратилась в образ абсолютного врага, изо дня в день и из года в год дополняемый все более демоническими чертами. Это была мощная и чрезвычайно длительная информационная атака. Прежде чем очертить ее цели, следует в двух словах охарактеризовать ее природу.

В современном мире многие информационные атаки готовятся по аналогии с боевыми операциями: организуются соответствующими госструктурами с привлечением «профильных» специалистов [11, с. 77; 94, с. 4], с определением общих и точечных целей. Нет сомнений, что такой подход позволяет разрабатывать оптимальную тактику, позволяющую нанести максимальный урон противнику при минимальных затратах собственных ресурсов.

Однако неверно воспринимать всякую информационную войну в качестве заранее и четко спланированной акции. Зачастую информационная война представляет собой стихийный процесс, который обладает значительной разрушительной силой и с трудом поддается контролю. Очевидно, что во Франции той поры не было политической силы, способной организовать или прекратить столь масштабную информационную атаку на Россию. Луи-Филипп, хотя и шел по пути стеснения свободы слова [6, с. 5], но даже не приблизился к тому уровню контроля за прессой, какой некогда был у Наполеона. Ни одна из партий также не

контролировала французскую печать. Между тем информационная война против России оказывалась выгодной почти для всех. Луи-Филипп, сознавая, что тесное сотрудничество с Николаем I для него невозможно, взял курс на сближение с Великобританией, которая, во-первых, быстро признала результаты Июльской революции, а во-вторых, также имела противоречия с принципами Священного союза. Миф о русской угрозе помогал Луи-Филиппу оправдать в глазах общества дрейф в сторону Альбиона. В то же время он не стремился к полному разрыву с Россией [29, с. 65]. И на фоне постоянно звучавших во Франции призывов к войне за Польшу невмешательство Луи-Филиппа в польские дела выглядело чуть ли не актом особого дружелюбия в отношении России. Что касается иных политических сил, то все, кроме легитимистов, стремились заработать «электоральные бонусы» посредством антироссийской риторики, что являлось наиболее простым и ни к чему не обязывающим способом добиться популярности [100, с. 96] и превращалось в поле идеологического состязания между партиями и отдельными литераторами. Таким образом, рост антироссийских настроений во Франции представлял собой прогрессирующую цепную реакцию. С одной стороны, французские настроения стремительно распространялись по всей Европе, разрушая авторитет Священного союза, консолидируя и ободряя противопоставленные ему силы. Но одновременно под ударом оказывалась и ситуация внутри России, и серьезность этой угрозы нельзя недооценивать.

Современной науке хорошо известно, что информационное вторжение призвано создать условия для «саморазрушения противника» [46, с. 8], и эта цель достигается путем внедрения в коллективное сознание оппонента чуждой ему картины мира [2, с. 32; 63, с. 62; 50, с. 47; 16, с. 85], что, в свою очередь, требует внушить неприятелю «комплекс неполноценности» [10, с. 224], «переписать» и дегероизировать его историю [44, с. 20], дискредитировать его идентичность [41, с. 233], вмонтировать в его мировоззрение *чужие* мифологизированные конструкты [38, с. 102], сформировать негативный образ действующей власти [122, с. 60]. Все эти приемы используются сегодня целенаправленно и, так сказать, в соответствии со спецметодичками, но не являются уникальными [124, с. 168]: в описываемый период они также применялись, но стихийно и столь продолжительно и массивно, что обещали иметь внушительный результат.

Разные политические силы Франции не управляли ходом информационной войны, а лишь подстегивали ее ход, используя методы манипуляции национальным сознанием, часто применяемые и в наши дни [116, с. 19–26] для перестройки коллективного мировидения. Информационную войну неслучайно называют «ментальной» [50, с. 48] или «идеологической» [87, с. 4]. Применительно к рассматриваемой исторической ситуации следует выделить две «идеи», руководившие информационными атаками: во-первых, – неизбежность борьбы цивилизации (Европы) против варварства (России), а во-вторых, – необходимость сопротивления свободы (европейского либерализма) деспотизму (российскому самодержавию). Все это было прообразом развернувшегося в XX в. «крестового похода демократии» [51, с. 119] против «российского тоталитаризма», имело прецеденты в прошлом [53] и было нацелено на консолидацию «цивилизованной»

семьи европейских народов, а также на использование социальных изъянов России в качестве почвы для ее саморазложения.

Николай I и информационная безопасность внутри России

Воцарение Николая I ознаменовалось восстанием декабристов, которое не могло не отразиться на дальнейшей политике императора. Следствие, возглавленное самим Николаем, позволило ему осознать, что речь шла не о дворцовом перевороте, а об отечественной версии революции, возвращенной на европейские идеи. «Маршрут» этих идей в Россию прослеживался легко. Декабристы принадлежали к поколению, для которых французская культура была, по существу, родной [80, с. 5–6]. Их интеллектуальный облик сформировала эпоха Просвещения, «вольнодумство» которой многими воспринималось как источник «французских смут». Один из будущих декабристов, Н. И. Тургенев, в юности вполне соглашался с тем мнением, что философия Вольтера и Руссо стала одной из причин Великой французской революции [68, с. 92]. Для большинства декабристов эта революция не была искомым форматом преобразований [45, с. 41], и все же идеологические нити вели к событиям 1789 г. На формирование декабристов оказали влияние и европейские походы русской армии. В письме из Петропавловской крепости А. А. Бестужев-Марлинский признавался Николаю I, что после взятия Парижа «войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: как хорошо в чужих землях» [18, с. 485]. Декабрист И. Д. Якушкин фиксировал в своих записках, что русские офицеры (декабристы) решили «пересадить Францию в Россию» [83, с. 190]. В то же время было очевидно, что Отечественная война стала для декабристов «высокой патриотической школой» [108, с. 45], и их устремления мотивированы не *чужой* политической повесткой, а представлением о благе России и охватившим страну «процессом нациостроительства» [48, с. 455].

Таким образом, Николаю I феномен декабризма должен был представляться гремучей смесью европейских идей с патриотическими инициативами, и видимо, поэтому в дальнейшем он одинаково пристально отслеживал и зарубежные веяния, и деятельность патриотических сил. Так, созданному в 1826 г. III Отделению собственной его императорского величества канцелярии сразу же было вменено в обязанность осуществлять негласный надзор за всеми пребывающими в России иностранцами [1, с. 5–6, 104, с. 219–220], но та же структура регулярно докладывала и о подозрительных в политическом отношении соотечественниках. В «Кратком отчете общественного мнения в 1827 г.», представленном императору, III Отделение выделило две «группы недовольных». Первая группа «фрондирующих» концентрировалась вокруг князя Куракина, состояла «из закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке», «оскорбленных в своих честолюбивых замыслах» [93, с. 19–20], и преследовала чисто меркантильные интересы. Что характерно, этот кружок аппаратных неудачников, по мнению тайной полиции, был несравнимо меньшим злом, нежели «партия русских патриотов», группировавшаяся вокруг Н. С. Мордвинова. Как сообщает «Отчет...», эта партия «очень сильна числом своих приверженцев», среди которых «критикуют все шаги правительства, <...> раздается ропот на немцев, <...> с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи

и слова их кумира – Ермолова». «Это самая опасная часть общества, – сказано в полицейском заключении, – за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение»: «Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль – спасение России» [93, с. 19–20]. То есть оказывалось, что те общественные силы, которые могли выступать естественными союзниками власти в борьбе с информационными атаками извне, воспринимались Николаем (и это убеждение поддерживалось «немецкой партией» [8, с. 132–133]) в качестве внутреннего врага. В результате противодействие информационным атакам с Запада ложилось исключительно на плечи административного аппарата, в распоряжении которого был набор довольно стандартных инструментов.

Прежде всего, как уже сказано, был организован контроль за иностранными подданными. Особое внимание уделялось учителям – как возможным посредникам передачи вольнодумных идей и свободных нравов юному дворянскому поколению. Соображение это, по-видимому, не было лишено оснований; во всяком случае, упомянутая роль французских наставников не раз запечатлевалась в русской литературе. В черновом варианте известной строфы из «Евгения Онегина» вместо фразы «И в Летний сад гулять водил» было: «С ним о Париже говорил» [85, т. 6, с. 6.] – подробность примечательная. Дворянские отпрыски неизбежно узнавали от наставников о жизни Франции. Беседы о бурях французской истории завораживали молодое сознание, как это было с героем лермонтовской поэмы «Сашка», который любил рассказы француза-учителя:

*Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний час
Венчанного страдальца... Над безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов паденье,
Меж тем как нищих буйный миллион
Кричал, смеясь: «Да здравствует закон!»* [57, с. 299]

Николаем I был предпринят ход, часто использовавшийся в разные времена разными государствами, – ограничение на использование информации [22, с. 192]. Это предполагает, с одной стороны, создание «железного занавеса», заглушающего «враждебные голоса» из-за границы [15, с. 85], с другой – контроль за печатью внутри страны. Для решения первой задачи в распоряжении Николая I была цензурная инстанция в составе МВД, для решения второй – цензурное ведомство Министерства народного просвещения с утвержденным в 1826 г. цензурным Уставом. Эта система была неудобна: с одной стороны, деятельность иностранной цензуры была слабо регламентирована и плохо согласована с деятельностью внутренней цензуры, а с другой – устав 1826 г. был очень громоздок и обеспечивал произвол цензоров [97, с. 212–215] (почему и был прозван «чугунным»). Это привело к реформе цензуры в 1828 г.: был принят более внятный и несколько менее жесткий цензурный устав, а иностранная и внутренняя цензура объединялись в рамках одного ведомства – Министерства народного просвещения [30, с. 7]. В дальнейшем цензурные правила и структура цензурного ведомства постоянно модернизировались, однако главный

принцип оставался неизменным – стремление одинаково строго контролировать и привозные, и отечественные сочинения. На практике эта система создавала серьезный информационный перекосяк не в пользу российских национальных интересов. Во-первых, организовать «заслоны» в отношении внутренней печати оказалось гораздо проще, чем в отношении зарубежной. Иностранная «крамола» легко просачивалась сквозь государственную границу. А. И. Герцен писал об этом: «Иметь у себя запрещенные книги считалось образцом хорошего тона. Я не знаю ни одного приличного дома, где бы не нашлось сочинение Кюстина о России, которое было запрещено специальным указом Николая» [26, т. 3, с. 460]. О том же свидетельствовал и профессор А. В. Никитенко, говоря, что в России «нет ни одной запрещенной иностранной книги, которую нельзя было бы купить <...> даже у букинистов» [69, с. 140]. Во-вторых, под цензурный каток зачастую попадали не политические, а художественные произведения, причем – первостепенных французских авторов. Так, в 1832 г. за осуждение польской политики Николая была запрещена книга О. Барбье «Iambes»; в 1852 г. «за резкие выходы против России» – книга В. Гюго «Napoléon le Petit»; в 1853 г. «за легкомысленные суждения о возможностях российской политики» – книга Бальзака «Les fantaisies de Claudine» [4, с. 801, 788, 826]. Это подрывало доверие читателей к цензурным запретам и лишь повышало популярность нелегальных книг, а «запретный плод» иностранных сочинений увеличивал силу своего воздействия. Знаменитый памфлет А. де Кюстина – прекрасная тому иллюстрация.

Пробыв в России всего три месяца (1839), Кюстин не имел возможности хорошо изучить страну, тем не менее создал книгу, где с афористичной емкостью сформулировал множество европейских мифов о России и подал информацию таким образом, что она чрезвычайно выгодно вписывалась во внутри- и внешнеполитическую повестку Франции. Поверхностный характер «наблюдений» Кюстина был очевиден, скажем, для его соотечественника О. де Бальзака, который отнес маркиза к «коммивояжерам идей», которые «бегло осматривают две столицы <...> и воображают, что посетили Россию» [126, р. 507–508]. Для российского же читателя книга Кюстина становилась притягательной как почти единственный доступный источник критического взгляда на Россию, поражающий сознание уже в силу своей оригинальности и запрещенности.

Сочинение Кюстина появилось во Франции в начале 1843 г., было тут же запрещено в России, но уже осенью 1843 г. оказалось в руках Герцена. Он обнаружил в памфлете «ошибки, много поверхностного» [26, т. 9, с. 124], но в целом заключил, что в книге француза «основа воззрения верна» [26, т. 9, с. 128]: «Тягостно влияние этой книги на русского <...>; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного места» [26, т. 9, с. 126].

Сходное впечатление книга произвела на людей совершенно иных взглядов, нежели у Герцена. Придерживавшийся консервативных позиций А. В. Дружинин прочел ее в августе 1854 г. – в разгар Восточного кризиса и шквала антироссийских публикаций в Европе. На этом фоне умозаключения Кюстина закономерно вызвали острое отторжение из-за «излишней страсти к обобщениям», но итоговый вывод был таков: «Одно в Кюстине хорошее качество: он не лжец. <...> Изобилие черных теней

никогда не повредит картине так, как изобилие глупо-ярких красок и нелепых бликов. <...> Для умного и любящего свое отечество русского это сочинение может быть полезным чтением, ибо автор иногда зорек посреди слепоты и рассказом нелепости родит мысль дельную» [33, с. 298–299].

Если обратиться к дневникам близкого к славянофилам профессора М. П. Погодина, то и здесь обнаружим мысли о важности кюстиновского текста. 5 декабря 1843 г. Погодин записал: «А много жестокой правды в Кюстине, хоть он и скучен». 8 декабря: «Прочел целую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о России». 12 декабря: «Оканчивал Кюстина, от которого часто мороз подирает по коже» [12, с. 285–286]. Таким образом, цензура, пресекая возможность для отечественных авторов обнародовать критические мнения, вынуждала читателя опираться на мнения иностранные, продиктованные чем угодно, но только не интересами России.

Доступным рычагом влияния на общественное мнение внутри страны для Николая I могла бы послужить печать. Однако сам император мало полагался на этот ресурс и рассматривал отечественные периодические издания, скорее, как потенциальный источник оппозиционных высказываний [103, с. 82–83], как неизбежное, но контролируемое зло, нежели подспорье в борьбе за общественное мнение и информационную безопасность страны.

По объему прессы Россия и при Александре I уступала посленаполеоновской Франции, а с приходом Николая I закрылась почти четверть из существовавших 37 периодических изданий [62, с. 108]. Новые журналы время от времени появлялись, но в то же время цензурное давление приводило к закрытию многих изданий (достаточно вспомнить о принудительном закрытии «Литературной газеты» А. А. Дельвига, «Европейца» И. В. Киреевского, «Московского телеграфа» А. Н. Полевого, «Телескопа» Н. И. Надеждина). К 1840 г. Россия существенно уступала по количеству периодических изданий своим будущим противникам в Крымской войне: во Франции 1 издание приходилось на 50 000 жителей, в Англии – на 46 000, в России – на 674 000 [70, с. 10]. Развитие журналистики в России тормозилось искусственным образом. И причины тому можно объяснить лишь опасением Николая I, что увеличение объемов прессы усложнит контроль за печатью, превращая ее в самостоятельную силу, угрожающую стабильности власти. Исходя из этого, формировалась информационная политика. Прежде всего, действовал запрет на освещение политических вопросов, и это резко снижало влияние отечественной прессы на аудиторию. Исключение было сделано лишь для «Северной пчелы», которая в ответ на эту льготу превратилась, по существу, в правительственный орган печати.

Подобные административные уступки использовались и для привлечения на сторону правительства отдельных издателей и литераторов. Эта малозатратная «схема» не была лишена психологической гибкости [92, с. 229]. Хотя цензурное ведомство и находилось в распоряжении Министерства народного просвещения, воздействовать на цензурные решения могли также III Отделение, и, разумеется, сам император. Это позволяло использовать метод влияния, который сегодня бы назвали «игрой в хорошего и плохого полицейского». Цензурное ведомство выступало в роли

суровой и слепой карающей машины, защитить от которой могло лишь III Отделение, куда литераторам нередко и приходилось обращаться за помощью. Руководители Отделения демонстрировали великодушие: с одной стороны, «журили» журналистов в случае «ошибок», а с другой – заказывали им нужные материалы [92, с. 229]. Исследования А. И. Рейтблата убедительно демонстрируют, что именно на такой основе складывались отношения III Отделения не только с Ф. В. Булгариным [90] и Н. И. Гречем [91], но и, скажем, с Н. А. Полевым, от которого удалось добиться отказа от реформаторской риторики в пользу панегириков власти [92, с. 249]. По существу, решение Николая I выступить в роли личного цензора Пушкина, освободив его от общей цензуры, было попыткой подобной игры – игры в помощь по преодолению искусственно созданных препятствий, которую административный аппарат вел с журналистикой и литературой. Но сколь бы изощренным с точки зрения психологизма это ни выглядело, результаты не могли возместить дефицита влиятельных изданий и хотя бы относительной свободы слова. Эту мысль Николаю I пытались внушить многие.

В марте 1826 г. в III Отделение поступила записка Н. И. Греча о возможностях использовать печать для укрепления авторитета власти. «Журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов, и к распространению полезных мыслей», – констатировал Греч. Далее он отмечал: <...> Направление общего мнения и у нас кажется необходимым» [91, с. 112]. Указывая, что официальным публикациям аудитория «не стала бы <...> верить», Греч предлагал расширить свободу для «партикулярных журналов», чьи мнения пользовались бы значительно большим влиянием [91, с. 113].

В мае 1826 г. подобную записку подал и Ф. В. Булгарин. По его словам, поскольку «общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством книгопечатания» [23, с. 45]. Булгарин предлагал расширить свободу слова для «приверженных к правительству писателей», что позволило бы, например, «перевоспитать» молодых дворян, которые «смотрят на все французскими глазами и судят обо всем на французский манер» [23, с. 46]. В 1846 г. Булгарин предложил открыть польскоязычную газету, убеждая Л. В. Дубельта: «Надобно плакать и смеяться, когда слышишь, что поляки <...> за границую пишут о России <...>. Непостижимо, что *опровержение* заблуждений насчет России столь же строго запрещено у нас, как и самая ложь! <...> Противу *нравственной силы* надлежало бы действовать *нравственною же силою*; а именно: <...> просвещением против *заблуждений* насчет России» [56, с. 316]. В том же году он подал записку, в которой снова призывал: «Для чести и славы России, для успокоения общего мнения <...> надобно <...>, позволить писателям, как говорится, *перевести дух* и писать обо всем свободно <...>» [56, с. 330]. То есть и Греч, и Булгарин предлагали использовать печать в качестве инструмента не только пропаганды, но и контрпропаганды, создающей противовес нападкам извне. Их мнения были услышаны и даже одобрены [23, с. 53; 56, с. 330], но не повлекли за собой никаких реальных перемен.

Та же судьба ожидала инициативы других литераторов. Так, А. С. Пушкин вынашивал план издания газеты, где обсуждались бы политические новости. Ходатайствуя к А. Х. Бенкендорфу о разрешении, поэт убеждал его, что «общее мнение имеет нужду быть управляемо», и обозначал свою возможную роль в этом процессе: «С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала* <...>. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных <...>» [85, т. 14, с. 256]. В черновике этого письма звучала такая мысль: «Ныне, когда <...> озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой, <...> пускай позволят нам, русским писателям, отражать нападения иностранных газет» [85, т. 14, с. 283]. Трудно сказать, почему последний пассаж был выброшен из белого варианта письма. Возможно, поэт не пожелал акцентировать внимание на возможной полемичности предполагаемого издания. Впрочем, общий фон отношений между цензурой и журналистикой убеждал Пушкина, что возможности свободно печатать политические новости он все же не получит, и это заставило его до времени отказаться от издательских проектов [55, с. 22].

Николай I вполне мог рассчитывать на содействие литераторов и издателей в деле укрепления авторитета власти. В первые годы царствования ситуация этому весьма способствовала. По точному замечанию А. И. Рейтблата, в тот период «немало было <...> таких, кто рассчитывал, сотрудничая с властью, повлиять на нее и достичь благих целей»: писатели (в том числе писатели пушкинского круга), сознавая невероятность в ближайшем будущем радикальных перемен во власти, «выбирали в 1830-х годах роль не оппозиционеров, а партнеров правительства» [90, с. 124]. Показательно, что с подобными пушкинскому проектами политических изданий, призванных выполнять функции пропаганды и контрпропаганды, в 1830 г. к властям обращались люди разных политических пристрастий: и близкий ко двору В. А. Жуковский [98, с. 247], и сторонник официальной народности М. П. Погодин [90, с. 124], и недавний оппозиционер П. А. Вяземский [90, с. 124; 98, с. 248]. Добиться результата никому из них не удалось, и объясняется это не предубеждением власти в отношении конкретных лиц, а мнением Николая I о роли литературы и журналистики в принципе. В представлении императора, печать должна была выполнять лишь сугубо прагматичные функции [90, с. 28]: информационную, воспитательную, развлекательную, а ремесло литератора служило аналогом государственной службы, не допускающей самостоятельности суждений. Всякий же независимый печатный орган виделся не союзником, а источником идеологических угроз, требующим контроля. А потому Николай I «более полагался на запретительные мероприятия цензурного ведомства, нежели на активное распространение необходимой информации посредством печати» [98, с. 251].

Между тем, пресекая издательские инициативы, император отказывался от важного ресурса, укрепляющего информационную безопасность. Речь идет о естественном стремлении общества отстаивать свои интересы в международном информационном поле. Этот феномен национального сознания, который находится в сфере интересов имагологии и который мы бы предложили называть «ответной рецепцией», является одним из ключевых факторов межкультурного и

межлитературного взаимодействия. Если излагать схематично, то коллективное сознание национальной общности (в данном случае – французов) формирует образ *иного народа* (в данном случае – народа России). *Иной народ* реагирует на собственное отражение в *чужом* национальном сознании, стремясь реконструировать это отражение в соответствии с собственными представлениями о себе. Таким образом, завязывается межнациональный имагологический диалог, реализующийся и в межличностном общении, и в литературе, и в журналистике. В русском обществе с петровских времен неуклонно нарастало стремление преодолеть европейские стереотипы об отсталой, варварской России. Победа над Наполеоном позволила значительно продвинуться в этом направлении, однако негативные стереотипы в Европе (прежде всего – во Франции) быстро реанимировались и снова использовались в информационных атаках. К этому моменту в России необходимость отвечать на негативные представления иностранцев была осознана как общенациональная задача, к решению которой стихийно подключались литераторы, историки, публицисты, издатели.

«Ответы иностранцам» могли быть прямыми и опосредованными. Прямой ответ предполагал воздействие на зарубежную аудиторию. Пример – брошюра А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», изданная в Европе на немецком (1851) и французском (1851, 1853) языках. Опосредованный ответ адресовался отечественному читателю, формируя общенациональную реакцию на информационные выпады зарубежья. К числу таких публикаций принадлежали, скажем, исторические работы Д. В. Давыдова, о которых мы говорили в первой части этой статьи. Еще более яркий образец – пушкинская ода «Клеветникам России»: хотя формально она адресована французским депутатам («народным витиям»), фактически предназначалась для отечественной аудитории и была призвана сформировать общественное мнение в отношении враждебной риторики французских политиков [71, с. 78–80].

Стихийное стремление русского общества могло и должно было стать опорой сопротивления западному информационному давлению. И в особо острые политические моменты Николай I сознавал это. Как известно, он одобрил оду «Клеветникам России», чем значительно ускорил ее публикацию. Но эта «разовая акция» так и не превратилась в систему поддержки патриотических порывов русской литературы и печати. Общая скудость периодических изданий и цензурное давление оставляли слишком малое пространство для осмысления причин и поводов предвзятого отношения французского общества к России.

Важно упомянуть еще об одном шаге николаевской администрации – попытке утвердить основы государственной идеологии. Шаг этот выглядит оправданным, поскольку информационное давление извне всегда имеет характер идеологического вторжения, и информационная резистентность напрямую зависит от цельности национального мировоззрения. Осознание этого факта побудило С. С. Уварова в 1832 г. (накануне вступления в должность товарища министра народного просвещения [9, с. 52]) поделиться в императором соображениями о том, что бытующие в России «убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные» следует «соединить в систему», которая смогла бы противостоять

французским революционным идеям, превратилась бы в «якорь, который позволит России выдержать бурю» [36]. Основу этой «системы» должно было составить триединство понятий «самодержавие, православие, народность», которое выглядело как национальный ответ на французскую революционную формулу «Liberté, Egalité, Fraternité» [113, с. 16]. Историческая ситуация должна была подсказать императору, что некая стройная система взглядов власти действительно нужна [42, с. 340]. Уваров и позднее поднимал этот вопрос перед Николаем I [9, с. 52] и, безусловно, с императорского одобрения, став министром, обнародовал свои мысли как принципы отечественного образования в специальном циркуляре, который разослал попечителям учебных округов, а вскоре опубликовал в первом номере «Журнала министерства народного просвещения» [111]. Это номер вообще оказался заострен на утверждение выдвигаемых министром принципов: в написанном Уваровым вступлении к первому выпуску также говорилось о самодержавии, православии и народности [109; 84, с. 114–115], а в одном из разделов помещалась статья П. А. Плетнева «О народности в литературе» [82].

Министерская политика Уварова действительно руководствовалась заявленными принципами. Он приложил усилия к тому, чтобы ограничить участие иностранных учителей и при этом подготовить отечественные кадры [112, с. 74–75], содействовал значительной модернизации образовательной системы [40]. Если судить по опыту Крыма, то именно при Уварове проявились «ощутимые тенденции к совершенствованию преподавания русского языка» [74, с. 148], причем – не в ущерб преподаванию языков национальных [74, с. 142]. Профессора и преподаватели российских университетов теоретически развивали заявленные Уваровым принципы [47, с. 14–21], особое внимание уделяя понятию «народность». Из всей триады именно оно оставляло широкие возможности для толкования. Можно согласиться с современными исследователями, что, в понимании Уварова, «народность» – «идеологическая форма, разрешающая противоречия между <...> высшими и низшими сословиями» [28, с. 68.], некий «идеал национальной идентичности» [96, с. 88]. Видимо, Уваров рассчитывал, что Николай I со временем решится вовлечь в процесс формирования государственной идеологии всю административную машину. В 1843 г., отчитываясь о десятилетней работе министерства, он снова напоминал императору о необходимости идеологической системы, основанной на предложенной им триаде [110, с. 347–348]. Императору отчет понравился, но продвижение идеологии так и осталось уделом одного министерства народного просвещения. Так триада Уварова не стала основой консолидирующей государство идеологии. И хотя «официальная народность» зачастую воспринимается как одно из главных «идеологических течений» того периода [37, с. 105], она имела довольно узкую локализацию в официальной педагогической среде и явно проигрывала другим стихийно вызревающим идеологическим потокам, в рамках которых формировалось собственное представление о «народности».

В результате к началу Крымской войны Николай подошел с неутешительным итогом. Если что-то и консолидировало русское общество, то это был исконно заложенное чувство патриотизма и разочарование в николаевской политике, которое с ходом войны стремительно усиливалось. Дефицит периодических изданий рождал

дефицит информации. Современник вспоминал, что во время Крымской кампании «на всем обширном юге России существовала тогда только одна русская газета “Одесский вестник”, но в нем помещались военные известия запоздалые и крайне сжатые» [39, с. 46]. Символично, что защитники Севастополя даже о смерти Николая I узнали не из отечественных газет, а – от французского парламентаря [81, с. 54].

Внешняя информационная политика Николая I

Восстание на Сенатской площади потребовало от Николая I спешных информационных решений, которые должны были определить его международный имидж. Уже 20 декабря 1825 г. был организован прием для дипломатов, где новый император удостоил конфиденциальной беседы французского посланника графа Лаферонэ, причем произвел на него столь позитивное впечатление, что Лаферонэ назвал Николая I «образованным Петром Великим» [123, кн. 1, с. 347]. Однако в отношении будущего России у французского посла сложилось менее благоприятное мнение: разгул злоупотреблений и неизбежность революции. 8 января 1826 г. в Петербург прибыл с поздравлениями чрезвычайный посол Франции Сен-При. Николай I на него произвел выгодное впечатление, но и Сен-При, прежде служивший в России, остался при самом пессимистическом мнении относительно социального будущего страны.

Уже здесь проявились основные черты внешней информационной политики Николая I: во-первых, использовать главным образом административные инструменты коммуникации, во-вторых, воздействовать точечным образом (на мнения отдельных лиц), а в-третьих, полагаться на силу собственного обаяния. В последнем император добился некоторого успеха. Немецкий дипломат граф Фицтумфон-Экштедт так передавал свои впечатления: «Вся фигура монарха имела нечто рыцарское и внушительное; я понял теперь, как стоявший передо мною колосс одним движением руки усмирив бунт на Сенной площади <...>» [21, с. 376]. Даже А. де Кюстин замечал, что «порой во властном или самовластном взгляде императора вспыхивают искры доброты, и лицо его, преображенное этой приветливостью, предстает перед окружающими в своей античной красе» [52, 145]. Литература прочно усваивала эти характеристики. Стендаль утверждал, что Николай I «самый красивый человек в своей стране и также один из самых храбрых в ней» [99, т. 12, с. 329], Дюма отмечал во внешности императора «прекрасное лицо», «пламенный взгляд» и «величественные движения» [35, с. 146], а Бальзак констатировал, что «всё, сказанное и написанное о красоте императора, – верно» [126, р. 507]. Однако лестные отзывы не мешали тем же авторам видеть «жестокосердие» [35, с. 141] Николая I и воспринимать его как олицетворение деспотизма. Словом, личное обаяние царя мало способствовало облагораживанию имиджа России в целом.

Тактика «точечных воздействий» также оказывалась малоэффективной, хотя и использовалась не только самим императором, но и сановниками. Так, например, в 1839 г. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов организовал [128, р. 186] и финансировал [132, р. 32] экспедицию по югу России для французского геолога К. Омер де Гелль, но, невзирая на это, изданное в 1840-х гг. в Париже описание

путешествия [130] оказалось переполненным критикой России и «московитского варварства». Стоит вспомнить и о безуспешной попытке самого Николая I расположить к себе А. де Кюстина и таким образом добиться позитивных отзывов о России.

Николай I не принимал в расчеты тот факт, что общественным мнением Европы в ту эпоху уже управляла печать в целом, отдельные же литераторы и журналисты лишь стремились соответствовать общим тенденциям, и эти тенденции явно противоречили интересам России. Император признавался, что «не предвидит пользы» от полемики с западной прессой [19, с. 275]. Видимо, немалое влияние на позицию Николая оказывала точка зрения министра иностранных дел К. В. Нессельроде, который последовательно отказывался от мер противодействия агрессивным выпадам европейской печати и утверждал, что «руссофобия пройдет, как прошли другие безумства <...> века» [78, с. 230]. Между тем в окружении императора были люди, как, скажем П. Д. Киселев (после Крымской войны он станет послом в Париже), которые убеждали Николая I в необходимости «повлиять на иностранную печать, составляющую <...> силу, с которою надо бороться <...>, или, по крайней мере, <...> иметь орган для опровержения безобразной лжи» [56, с. 97]. Точку зрения Киселева, очевидно, разделял и С. С. Уваров, который в 1833 г. направил в Париж в качестве корреспондента министерства народного просвещения князя Э. П. Мещерского. Основной задачей Мещерского было сообщать в журнал министерства об успехах науки и образования во Франции. Однако попутно князь посвящал свои труды разоблачению враждебных России публикаций [61, с. 441] и знакомству французского читателя с позитивными сторонами российской жизни и, главным образом, русской литературой. Явный талант и прекрасное знание русского и французского языков позволили ему создать переводную антологию русской поэзии, которая и в содержательном, и в поэтическом отношении превосходила опыты предшественников в этом направлении [131].

Деятельность Мещерского имела зримые результаты, но все же не может восприниматься системным звеном информационной политики. Между тем антироссийские настроения достигали таких масштабов и ожесточения, что противоборствовать им можно было лишь путем системного подхода. Это сознавал Бенкендорф, на чье ведомство были возложены функции контрразведки [19, с. 221]. По его воспоминаниям, Николай I принимал решения, «не обращая никакого внимания» на «проклятия» европейских газет [14, с. 267], так что деятельность главы III Отделения по отражению этих «проклятий», кажется, являлась его личной инициативой. Причем Бенкендорфу удалось заручиться сочувствием и поддержкой главы австрийского МИД Меттерниха, который видел в либеральной прессе угрозу международному статус-кво и полагал, что «правительства совершили грубую ошибку, не занимаясь периодической печатью, этим оружием, способным сотворить любое зло» [77, с. 112].

Между тем, в распоряжении Бенкендорфа были оперативные сотрудники с опытом разведывательной работы, перешедшие в штат III Отделения после упразднения в 1831 г. Военно-секретной полиции [43, с. 10]. С 1832 г. им поручалось создание агентурной сети в Европе [58, с. 226; 125, с. 322], но, помимо этого, по

крайней мере, один из них, К. Ф. Швейцер, направленный в Германию, имел задание от Бенкендорфа – «брать на заметку журналистов, печатающих грубый вымысел о России и о ее государе, и вообще для того, чтобы при помощи хороших статей в различных печатных органах бороться против революционного духа, исходившего из журналистики» [14, с. 430], – то есть организовать контрпропаганду. Характерно, что Меттерних поддержал деятельность этого агента, так что Швейцер работал в пользу сразу двух монархий [20, с. 43]. И это был не единственный совместный проект, инициированный Бенкендорфом.

В 1833 г. в качестве агента III отделения был завербован редактор «Франкфуртской газеты» («Journal de Francfort») Ш. Дюран. Издание выпускалось на французском языке, а потому могло использоваться как средство информации, ориентированное на Европу в целом. Ш. Дюран регулярно размещал в газете позитивную информацию о России, выбрав убедительную авторскую тактику: «он защищает Россию, однако делает это с позиции человека якобы постороннего, незаинтересованного и сугубо европейского» [65, с. 306]. Эффективность такого скрытого влияния была оценена союзниками России, и с 1835 г. к финансированию «Франкфуртской газеты» подключились «на паях» [76, с. 93] Австрия и Пруссия. Однако успешное функционирование проекта оказалось недолгим, и тому было две причины. Во-первых, по тону газеты и некоторым другим обстоятельствам в Европе довольно скоро разгадали заказчика материалов о России. Во всяком случае, уже в 1835 г. «Вестминстерское обозрение» («Westminster Review») сообщало читателям: «“Journal de Francfort”, несомненно, является органом российского правительства. Большинство подписчиков г-на Дюрана находятся в этой стране. Долгое время он использовался как орган канцелярии Санкт-Петербурга» [133, р. 147]. Во-вторых, ставка была сделана на человека, который был мотивирован лишь корыстными соображениями. В соответствии с отчетом III Отделения (1840), Дюран обладал способностью «с равным искусством защищать и проповедовать самые противоположные мысли» [93, с. 233]. Как выяснилось, он проявил не меньшую способность к одновременной работе на два фронта и авантюризму, что в конце концов вылилось в громкий скандал, после которого русскому правительству пришлось публично отмежевываться от своего неудачного агента [65, с. 309–317].

Значительно более надежным защитником российских интересов в европейской печати стал другой агент III отделения – Я. Н. Толстой. Деятельность Толстого оказалось столь значительной, что известнейший исследователь русско-французских культурных связей М. Кадо в монографии «Россия в интеллектуальной жизни Франции» посвятил ему главу, озаглавив ее «L'espion du siècle» – «шпион века» [127, р. 64]. «Шпионом» Толстого порой называют и в отечественных работах [105, с. 48], однако, учитывая негативные коннотации, представляется более уместным называть Я. Н. Толстого агентом внешней разведки, особенно в свете важности тех сведений, которые он доставлял в Россию о реальном положении Июльской монархии [119] или о состоянии французской армии в канун Крымской войны [120].

Я. Н. Толстой был участником Отечественной войны и европейских походов, имел боевые награды, с 1821 г. служил в Генштабе, где имел доступ к секретным материалам разведки [79, с. 135]. Он был причастен к деятельности тайных обществ,

однако еще в 1823 г. отбыл во Францию на лечение и в восстании не участвовал. Тем не менее его привлекли к следствию, но он по понятным соображениям в Россию не вернулся. В Париже Толстой занялся тем, что метафорически можно назвать «партизанскими вылазками» в литературной сфере. С 1825 г. Толстой стал активно полемизировать с авторами, писавшими о России. Зачастую его возражения были довольно колкие. Такой эпизод: в 1825 г. вышла книга А. Рабба «Краткий очерк истории России», где автор возводил происхождение слова «славяне» к французскому «esclave» (раб). В ответ Толстой предложил искать происхождение имени автора (Рабб) в русском слове «раб» [67, с. 27]. Французская пресса не щадила «литературного партизана» и, скажем, Стендаль однозначно стал на сторону соотечественника, заявив, что французский автор живет «своим пером, а не своими крестьянами». Б. Г. Реизов называет эту реплику Стендаля «резкой» и «несправедливой» [88, с. 167], что и понятно – в этот период сам Толстой жил именно литературным трудом, а не поступлениями из России. Тем не менее его запальчивость обращала на себя всеобщее внимание. Так, разоблачив недостоверные показания о России в записках французского военного В. Минье, Толстой был обвинен автором в клевете и вызвал Минье на дуэль (от которой Минье, впрочем, уклонился). Биограф Я. Н. Толстого Б. Л. Модзалевский верно подмечает, что Толстым изначально владело стремление вернуть себе доброе имя, вернуться на службу [67, с. 30], а если развивать уже использованную метафору, – поставить свои самочинные «партизанские вылазки» под начало отечественного командования. Ему удалось добиться этого лишь через 12 лет «литературных баталий».

В 1837 г. Толстой с одобрения императора под видом корреспондента министерства народного просвещения выполнял в Париже задания Бенкендорфа. Со временем Толстому удалось создать во Франции «один из лучших филиалов русской разведки» [121, с. 307; 95, с. 331], но для нас важна его деятельность в сфере контрпропаганды. Толстой продолжал «партизанскую войну во владениях европейской печати» [77, с. 112]: своими публикациями защищал престиж России и одновременно «коммерциализировал» продвижение пророссийской информации во французской прессе. Оба направления работы имели принципиальные достоинства и недостатки.

Если говорить о сочинениях самого Толстого, то у него было преимущество перед французскими оппонентами, которое он сформулировал сам: «опыт более тридцати лет жизни в описанной стране и самое происхождение из России» [134, р. 3]. Однако против Толстого «работал» его двойственный статус: ему приходилось ориентироваться не только на французского читателя, но и на восприятие своего руководства. Спускаемые ему инструкции [64, с. 280] вынуждали писать, как мы сегодня сказали бы, «по методичке», а необходимость угождать администраторам придавала стилю оттенок панегирика и казенщины – все это подрывало читательское доверие.

Кроме того, Толстому приходилось «сражаться» в одиночку в самых невыгодных обстоятельствах, о чем он и предупреждал Бенкендорфа: «Принадлежность к русской партии считается в наше время во Франции настолько признаком дурного тона, признается так мало патриотичной, что нужно иметь

известный запас мужества и не ставить в грош популярность, чтобы заявить себя защитником России» [101, с. 574]. Зачастую оказывалось, что выступления Толстого имели эффект противоположный желаемому: не столько убеждали читателя, сколько давали лишний повод целому хору французских авторов лишний раз высказаться против России. Видимо, сознавая это, российские власти стремились «избегать прямой полемики» в печатной среде [64, с. 259].

Покупка «нужных» публикаций (что вполне согласовалось с обычаями французской прессы) отчасти должна была «диверсифицировать» источники информации. И Толстой наладил постоянные «деловые» отношения со многими французскими изданиями. Е. В. Тарле отмечает: «Толстой подкупал газеты от раза до раза, но три органа – “La France”, “La France et l'Europe” и “La Revue du Nord” – были у него более или менее на постоянном иждивении. Когда эти издания прекратили свое существование, их сменили “La Patrie”, “L'Assemblée Nationale” и “Constitutionnel” [101, с. 596]. И все же это были лишь «точечные вливания», которые не позволяли кардинально повлиять на общественное настроение.

Ясно, что российская контрпропаганда лишь «нащупывала» оптимальные способы воздействия на европейское коллективное сознание, и на этом пути были неизбежны просчеты. Но верно и то, что существовали инициативы, призванные эти просчеты исправить. Еще в 1834 г. Э. П. Мещерский предлагал учредить в Париже журнал, объединяющий вокруг себя известных литераторов консервативного лагеря и проводящий выгодную России идеологическую линию. Учитывая авторитет Мещерского в парижском обществе и его патриотический настрой, можно почти с уверенностью сказать, что это начинание имело бы гораздо больший эффект, нежели сотрудничество с Ш. Дюраном. Об этой идее доложили императору, но продолжения дело не получило [19, с. 279]. Через 2 года Мещерский поддержал идею Я. Н. Толстого об открытии во Франции газеты для защиты России [101, с. 566–567]. Но и этот проект не был одобрен. Таким образом, правительство отказалось от собственного информационного канала в Европе, что лишило Россию эффективного инструмента контрпропаганды.

Еще один проект контрпропаганды предлагался правительству Ф. И. Тютчевым. В 1841 г. он был исключен из штата МИД [86, с. 91], но обосновавшись в Мюнхене, был хорошо осведомлен о настроениях прессы и «остро реагировал на материалы антирусской направленности» [78, с. 234]. У него созрели представления об эффективной тактике противодействия этим тенденциям. В 1843 г. Тютчев изложил свой план Бенкендорфу. А. Л. Осповат обоснованно допускает, что Тютчев предлагал «такую организацию прорусской пропаганды, при которой ставка делалась бы не на ушлых агентов и никому не ведомых наемников пера, но на фигуры – и даже издания, – уже завоевавшие авторитет в общественном мнении Европы» [76, с. 94]. Бенкендорф, что называется, отправил «проект в разработку», а для начала предложил Тютчеву самому писать в защиту России [3, с. 87]. Тютчев действительно предпринял такого рода публикации, но тем временем смерть Бенкендорфа (1844) заставила его беспокоиться о судьбе своего проекта. В 1845 г. он обратился с запиской напрямую к государю, где разъяснял свою идею: «Речь не идет о повседневных мелочных пререканиях с иностранной прессой по поводу частных,

незначительных подробностей; истинно полезным было бы другое: завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, обрести там радетелей почтенных, серьезных, заставляющих публику себя слушать – и двинуться разными путями, но в некоем сообществе, к определенной цели» [105, с. 113]. Николай I благосклонно воспринял обращение Тютчева, но от реализации предложенного плана воздержался [76, с. 96].

Могут возникать сомнения в способности самого Тютчева реализовать предложенный замысел, но нет сомнений, что его идея была верна в принципе: к процессу контрпропаганды целесообразно привлекать «союзников» – людей, обладающих авторитетом, соответствующими убеждениями и не подчиненных административной иерархии (ту же мысль, кстати, высказывал в 1843 г. и С. С. Уваров [66, с. 274–275]). Предложение же Тютчеву самому писать о России не могло решить проблемы, с которой сталкивался и Я. Н. Толстой: голос российского автора воспринимался как голос николаевской администрации. После 1848 г. Тютчев написал статью «Россия и революция». Николай I пожелал, чтобы «она была опубликована за границей» [60, с. 232]. Во Франции ее опубликовали, но озаглавили так: «Записка, представленная императору Николаю после Февральской революции одним русским чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел». Предсказуемо, что после этого статья вызвала особенно острую критику. В 1851 г. Тютчев поместил в «Revue des Deux Mondes» очередную статью «Папство и Римский вопрос». Редакция снова изменила заглавие на «Папство и римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга». И статья Тютчева снова была воспринята как позиция российского официоза. Все это говорило о неэффективности старых принципов контрпропаганды.

Впрочем, новые принципы после смерти Бенкендорфа разрабатывать было уже некому. Его преемник на посту шефа III Отделения граф А. Ф. Орлов не видел пользы в отражении информационных атак. Его позиция вполне отразилась в Отчете III Отделения за 1845 г.: «<...> Журнальная война и возражения ни к чему не ведут: они только возбуждают внимание и породят бесконечные распри <...>. Несравненно лучше следовать принятому нами правилу – возражать молчанием и презрением, тем более что зло уничтожается собственным своим излишеством» [93, с. 365]. Зло, однако, не уничтожилось.

Российское общество болезненно воспринимало и нападки иностранной печати, и «гордое молчание» отечественного официоза. Это порождало рефлексию, проникавшую на страницы российских изданий. Характерный пример – статьи А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России» (1845) и «Мнение русских об иностранцах» (1846), где автор, анализируя европейские стереотипы о России, обнаруживает «путаницу в понятиях и даже в словах», «бесстыдную ложь», «наглую злобу» [117, с. 83] и отыскивает истоки европейской предвзятости. С очевидностью можно предположить, что Хомяков мог бы рассматриваться властью как «союзник» в процессе консолидации российского общества в условиях информационных угроз, но в реальности этот потенциальный союзник подвергался постоянному цензурному давлению, а в 1852 г. распоряжением Дубельта был лишен права «даже и представлять к печатанию свои сочинения» [49, с. 389]. Трудно сказать, догадывался

ли Хомяков, что французские статьи Тютчева были одобрены «сверху». Дело в том, роль тайной полиции в отношении русских авторов за рубежом регламентировалась весьма условно. Я. Н. Толстой формулировал ее так: «Если ваша книга будет против России, вас станут преследовать; коли ни то, ни се – будут смотреть сквозь пальцы, а если она будет в пользу России – то вас могут наградить» [56, с. 557].

В 1853 г. А. С. Хомяков решился втянуться в зарубежную полемику вокруг уже упомянутой тютчевской статьи «Папство и Римский вопрос» и опубликовал в Париже на французском языке брошюру «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Стремясь обезопаситься, Хомяков подписал книжку «Неизвестный» («Ignotus») и «деполитизировал» тему, предупредив, что не преступает «пределов вопроса религиозного» [118, с. 28]. Поскольку никаких санкций не последовало, в 1855 г. Хомяков выпустил за границей еще одну брошюру, в которой полемизировал с архиепископом де Сибуром, призвавшим католиков идти в «крестовый поход» против православных. По существу, Хомяков предпринял несанкционированные «партизанские вылазки», подобные тем, что когда-то совершал Я. Н. Толстой. И расчет литератора оказался верным: его брошюры стали известны при дворе и даже удостоились благосклонной оценки Николая I [73, с. 73]. Но все же эта история демонстрирует несовершенство существовавших подходов. Литератору, стремившемуся защитить отечественный престиж, приходилось действовать на свой страх и риск, полагаться на благополучное стечение обстоятельств, причем отсутствие преследований уже само по себе воспринималось как награда за патриотический порыв. Такое положение дел, разумеется, сдерживало движение российских авторов к зарубежной аудитории.

Однако Крымская война заставила отбросить условности. Показательный эпизод – зарубежные публикации П. А. Вяземского. В эпоху Восточного кризиса он находился на излечении в Европе и наблюдал шквал антироссийских публикаций. А. И. Герцен так характеризовал европейскую атмосферу той поры: «Война ревет. В народных толпах развили все злые чувства национальной ненависти и жадного патриотизма» [26, т. 7, с. 49]. Это принудило оторванного от родины Вяземского самостоятельно вступить в «войну перьев». Не случайно тогда в «Литературную исповедь» он включил самохарактеристику: «В литературе я был вольным казаком» [25, с. 335]. Участник Отечественной войны Вяземский, подобно Д. В. Давыдову, воспринимал информационное противостояние как аналогию реальным боевым действиям. В соответствии с этой аналогией – Вяземский «воевал» в тылу неприятеля.

Когда в 1854 г. в «Indépendance Belge» появилось стихотворение Вяземского «Вот в воинственном азарте...», направленное против Луи-Наполеона, он отметил в записной книжке: «Право, я заслуживаю георгиевский бумажный крест за мои партизанские наезды в журналы» [24, т. 9, с. 114]. А когда в том же году в «Journal de Francfort» появилась статья Вяземского, он писал Северину: «Угадали ли, что это аз грешный и недостойный кидаюсь на борьбу не на живот, а на смерть <...>. Каждому дан здесь свой удел и свое орудие, мне дано перо, и валяй!» [24, т. 9, с. 117].

Настроение воинского запала отразилось на стилистике Вяземского. Он написал сборник стихотворений «К ружью» в духе патриотической поэзии 1812 г., за что

впоследствии заслужил упреки в казенном патриотизме [75, с. 42]. Кроме того, он опубликовал по-французски «Письма русского ветерана 1812 г.», где свое участие в печатной борьбе сравнивал с боевым прошлым: «Будучи неизвестным писателем в области полемики, как был и неизвестным воином на Бородинском поле, автор теперь, как и тогда, отдает себя всецело делу народному и готов жертвовать собою» [24, т. 6, с. 487]. «Письма...» Вяземского содержали информацию о России, ее истории и политической роли, но интересно, что Вяземский избрал тональность, напомиравшую манеру С. Глинки времен противостояния с Наполеоном I, а потому в его тексте легко встретить выпады вроде такого: «Чтобы заставить умного англичанина или француза сказать глупость, нужно заговорить с ним о России: это такой предмет, от которого они пьянеют, и разумение у них тотчас мутится» [24, т. 6, с. 422]. Обострение информационной войны обостряло стилистику полемики.

Все это происходило на фоне «гордого молчания» официоза. Возмущением по этому поводу Тютчев делился в письме супруге: «Поражаешься, <...> как мы здесь поддерживаем их ложь и их утайки пошлым смирением наших бюллетеней <...>. А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения. <...> Мальцов решил, будто ему будет дозволено в какой-то невинной статье для «Journal de St.-Pétersbourg» сказать, что англичане ведут *пиратскую* войну у наших берегов. Представь, канцлер заставил его вычеркнуть это выражение как слишком оскорбительное» [107, с. 234].

Неудачи под Севастополем воспринимались как закономерное следствие николаевской политики, в том числе – информационной. «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства, – констатировал Тютчев в мае 1855 г. – <...> Ничего не было пощажено, все подвергалось этому давлению <...>» [107, с. 231]. Спустя два дня после смерти Николая I В. С. Аксакова записывала в дневнике: «<...> Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды; безвыходное положение, к сознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению» [5, с. 66].

Таковы были суждения людей, готовых быть союзниками власти в информационной войне, не востребованных на этом поприще, и воспринимавших поражение России как личную трагедию.

ВЫВОДЫ

Несовершенство информационной политики Николая I стало одним из важных факторов подрыва авторитета власти внутри страны и на международной арене. Принципиальным просчетом явилась недооценка влияния, которое оказывало на ход событий общественное мнение, и, как следствие – недооценка возможностей прессы как инструмента воздействия на коллективное сознание. Это вело к ряду нерациональных решений.

Информационная безопасность в отечественном пространстве обеспечивалась в основном за счет административных ресурсов и запретительных мер. В результате возник информационный дисбаланс, при котором европейская пресса по

интенсивности информационного потока значительно превосходила российскую. В то же время игнорировалось естественное стремление российского общества корректировать негативные представления Запада о России. Это, наряду с недоверием к сотрудничеству, выходящему за рамки административного подчинения, в большинстве случаев вело к отказу власти от возможности использовать в качестве информационных союзников представителей интеллектуальной и творческой элиты страны. Спорадические попытки консолидировать общество путем выработки национальной идеологии не учитывали складывавшихся идеологических тенденций и не имели существенного результата. В итоге к периоду Крымской войны в России нарастало отчуждение между обществом и властью.

Еще более провальной выглядела ситуация на внешнем информационном поле. Недооценка Николаем I информационных угроз не позволяла рассматривать контрпропаганду в числе государственных приоритетов. Тактика и стратегия контрпропаганды оказались в исключительной зависимости от персональных инициатив и предпочтений отдельных представителей администрации. Это вело к практике «точечных реакций», малоэффективных приемов, к скованности решений. Как и внутри страны, ставка делалась лишь на возможности официального аппарата. Активность неинституализированной сферы информационной защиты России оказалась вне интересов государственной информационной политики. Таким образом, выступления российских литераторов против предвзятых зарубежных мнений превращались в аналогию партизанских действий, продиктованных патристическими убеждениями, порою санкционированных властью, но не находящих себе места в системной программе информационной обороны.

Список литературы

1. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. [Текст] / О. Ю. Абакумов. – М.: Центрполиграф, 2017. – 319 с.
2. Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение [Текст] / С. Г. Агапова, Л. В. Гущина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 27–34.
3. Азадовский К. М., Осповат А. Л. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832–1844) [Текст] / К. М. Азадовский, А. Л. Осповат // Литературное наследство. – М.: Наука, 1989. – Т. 97. – Кн. 2. – С. 63–98.
4. Айзеншток И. Я. Французские писатели в оценках царской цензуры [Текст] / И. Я. Айзеншток // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 769–858.
5. Аксакова В. С. Дневник (1854–1855) [Текст] / В. С. Аксакова. – СПб: Тип-я Б. М. Вольфа, 1913. – 174 с.
6. Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945) [Текст] / В. Е. Аникеев. – М.: Фак журналистики МГУ, 1999. – 55 с.
7. Анненкова П. Е. Воспоминания [Текст] / П. Е. Анненкова. – Красноярск: Книжное изд-во, 1977. – 326 с.

8. Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III Отделение: скрытая механика покровительства и наказания [Текст] / Д. А. Бадалян // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – Т. III. – № 2. – С. 128–157.
9. Бадалян Д. А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков [Текст] / Д. А. Бадалян // *Тетради по консерватизму*. – 2018. – № 1. – С. 51–66.
10. Байнев В. Ф. Современная информационная война как глобальный феномен [Текст] / В. Ф. Байнев // *Новая экономика*. – 2012. – №2 (60). – С. 219–223.
11. Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю. Информационная война: к генезису термина [Текст] / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец, М. Ю. Лаврентьева // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2019. – № 3. – С. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310.
12. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х кн. [Текст] / Н. П. Барсуков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888–1910. – Кн. 7. – 620 с.
13. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / К. Н. Батюшков. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 2: Из записных книжек. Письма. – 719 с.
14. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. В 2-х т. Т. II: 1826–1837 [Текст] / А. Х. Бенкендорф. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 552 с.
15. Бесков А. А. Что хуже – информационная война или страх перед ней? [Текст] / А. А. Бесков // *Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сб. трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.)*. – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. – С. 78–88.
16. Беспалов Д. Н., Казаков М. А. Информационная война и обеспечение безопасности [Текст] / Д. Н. Беспалов, М. А. Казаков // *Вестник МГИМО*. – 2014. – № 6. – С. 82–87.
17. Бестужев Н. А. Избранная проза [Текст] / Н. А. Бестужев. – М.: Сов. Россия, 1983. – 336 с.
18. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В: 2-х т. [Текст] / А. А. Бестужев-Марлинский. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. – 592 с.
19. Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I [Текст] / Г. Н. Бибииков. – М.: Три квадрата, 2009. – 424 с.
20. Борисов А. Н. Особый отдел империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб: монография [Текст] / А. Н. Борисов. – С-Пб.; М.: Нева, 2001. – 479 с.
21. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах (1852–1855 гг.) [Текст] / К. Ф. Фицтум-фон-Экштедт // *Русская старина*. – 1887. – Т. 54. – Кн. 5 – С. 364–405.
22. Ветошко Л. И., Ветошко А. Н., Емельяненко В. Д. Информационные войны в Интернете и ценностно-мировоззренческие основания патриотизма [Текст] / Л. И. Ветошко, А. Н. Ветошко, В. Д. Емельяненко // *Новая наука: Проблемы и перспективы*. – 2016. – № 6–3. – С. 190–206.
23. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение [Текст] / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: НЛЮ, 1998. – 704 с.
24. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб, 1878–1896. – Т. 6, 7, 9.
25. Вяземский П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 544 с.
26. Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 3, 7, 9.
27. Гладышев А. В. Казаки во Франции в 1814 году: образ и коллективная память [Текст] / А. В. Гладышев // *Уральский исторический вестник*. – 2014. – № 4 (45). – С. 15–24.
28. Головашина О. В. Национальная идентичность в России: базовая модель [Текст] / О. В. Головашина // *Fractal simulation*. – 2011. – № 2. – С. 64–73.

29. Гончарова Т. Н. Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии [Текст] / Т. Н. Гончарова // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: СПбГУ, 2017. – № 17 (2). – С. 48–79.
30. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. История Комитета цензуры иностранной [Текст] / Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева // Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы. – СПб.: РНБ, 2006. – С. 7–16.
31. Губина М. В. Особенности образа России в сознании французских современников в 1814–1818 годах [Текст] / М. В. Губина // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 153–162.
32. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
33. Дружинин А. В. Полинька Сакс. Дневник [Текст] / А. В. Дружинин. – М.: Правда, 1989. – 432 с.
34. Дурьлин С. [Н.] Г-жа де Сталь и ее русские отношения [Текст] / С. Н. Дурьлин // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 215–331.
35. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Ладомир, 1993. – Кн. 2. – 432 с.
36. Ермашов Д. В. Политические воззрения С. С. Уварова [Электронный ресурс] Д. В. Ермашов // Православный образовательный Портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35439.php>. – (Дата обращения: 28.09.2021).
37. Есин Б. И. Расцвет русской журналистики [Текст] / Б. И. Есин // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 2. – С. 105–109.
38. Жаркова Т. В. Информационная война как фактор социально-политической коммуникации [Текст] / Т. В. Жаркова // Человек в информационном пространстве: Сб. науч. тр. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 94–103.
39. За много лет. Воспоминания неизвестного (1854–1857) [Текст] / б. п. // Русская старина. – 1894. – № 9. – С. 44–62.
40. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования [Текст] / Н. Н. Зипунникова // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 7–16.
41. Золотухин В. М. Сохранение социокультурной российской идентичности в пространстве информационных войн [Текст] / В. М. Золотухин // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сб. трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. – С. 231–239.
42. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века [Текст] / А. Л. Зорин. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
43. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. Высшая воинская полиция как орган разведки и контрразведки русской армии начала XIX века [Текст] / А. А. Иванов, Т. Л. Матиенко, Н. Д. Эриашвили // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 8–10.
44. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография [Текст] / Под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с.
45. Итенберг В. С. Россия и Великая французская революция [Текст] / В. С. Итенберг. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
46. Иудин А. А., Рюмин А. М., Шпилёв Д. А. Информационная война в Интернет: западные обыватели о России [Текст] / А. А. Иудин, А. М. Рюмин, Д. А. Шпилёв. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2011. – 156 с.

47. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи [Текст] / Н. И. Казаков // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1989. – С. 5–41.
48. Киселев В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» [Текст] / В. С. Киселев // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 449–469.
49. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях [Текст] / В. А. Кошелев. – М.: НЛЮ, 2000. – 512 с.
50. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу классификации информационных войн [Текст] / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев // Социология науки и технологий. – 2019. – Т.10. – № 2. – С. 44–55.
51. Кудряшова И. А., Селиванова И. Э. Отражение информационной войны против России в испанской и немецкой прессе, или «Крестовый поход демократии» против России [Текст] / И. А. Кудряшова, И. Э. Селиванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 2 (44). – Ч. 2. – С. 119–122.
52. Кюстин А. де. Россия в 1839 году [Текст] / А. де Кюстин. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
53. Лагутин М. С. Перманентность антироссийских информационных войн. Причины и методы (XVI–XIX вв.) [Электронный ресурс] / М. С. Лагутин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Режим доступа: www.stience-education.ru/ru/artide/view?id=16601 (дата обращения: 02.09.2021).
54. Лажечников И. И. Походные записки русского офицера [Текст] / И. И. Лажечников. – СПб: Медицинская типография, 1820. – 349 с.
55. Ларионова Е. О. Пушкин и его читатели в 1831–1833 годах [Текст] / Е. О. Ларионова // Пушкин в прижизненной критике, 1831–1833 / Под общей ред. Е. О. Ларионовой. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2003. – С. 5–25.
56. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. (по подлинным делам Третьего Отделения С. Е. И. В. Канцелярии) [Текст] / М. К. Лемке. – СПб: изд. С. В. Бунина, 1908. – 614 с.
57. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Л.: «Наука», 1979–1981. – Т. 2. – 575 с.
58. Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет [Текст] / И. Б. Линдер, С. А. Чуркин. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 784 с.
59. Лорер Н. И. Записки декабриста [Текст] / Н. И. Лорер. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1984. – 416 с.
60. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов [Текст] / Р. Лэйн // Литературное наследство. – М.: Наука, 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 231–252.
61. Мазон А. <Мазон А.> Князь Элим [Текст] / А. Мазон // Литературное наследство. – Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 373–491.
62. Макушин Л. М. Цензурный режим и развитие системы печати [Текст] / Л. М. Макушин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – № 60. – Вып. 24. – С. 103–111.
63. Медовкина Л. Ю. Влияние СМИ на мировую политику посредством информационных войн [Текст] / Л. Ю. Медовкина // Наука Красноярья. – 2016. – № 6 (39). – С. 58–69.
64. Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы [Текст] / В. А. Мильчина. – СПб.: Гиперион, 2006. – 528 с.

65. Мильчина В. А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России [Текст] / В. А. Мильчина // Лотмановский сборник. – № 2. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 303–327.
66. Мильчина В. А., Осповат А. Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина [Текст] / В. А. Мильчина, А. Л. Осповат // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 272–284.
67. Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой [Текст] / Б. Л. Модзалевский. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1899. – 55 с.
68. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы [Текст] / М. В. Нечкина. – М.: АН СССР, 1951. – 624 с.
69. Никитенко А. В. Дневник. В 3-х тт. [Текст] / А. В. Никитенко. – Л.: Гослитиздат, 1955–1956. – Т. 1. – 539 с.
70. Новости и смесь [Текст] / б. п. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1840. – Т. 26. – № 4. – Отд. VII. – С. 1–10.
71. Орехов В. В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
72. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть I: С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 174–188.
73. Орехов В. В. Публикации А. С. Хомякова в контексте литературной борьбы за национальный имидж [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 71–78.
74. Орехова Л. А. О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века [Текст] / Л. А. Орехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 2. – С. 137–152.
75. Орехова Л. А., Сущинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского [Текст] / Л. А. Орехова, С. С. Сущинина // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
76. Осповат А. Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания [Текст] / А. Л. Осповат // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 89–97.
77. Осповат А. Л. Тютчев и заграничная служба III отделения [Текст] / А. Л. Осповат // Тыняновский сборник. Пятое Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне – М.: Импринт, 1994. – С. 110–138.
78. Осповат А. Л. Элементы политической мифологии Тютчева (Комментарий к статье 1844 г.) [Текст] / А. Л. Осповат // Тютчевский сборник: 2. – Тарту, 1999. – С. 227–263.
79. Очерки истории Российской внешней разведки в 6-ти тт. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 240 с.
80. Парсамов В. С. Декабристы и Франция [Текст] / В. С. Парсамов. – М.: РГГУ, 2010. – 432 с.
81. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания [Текст] / Н. И. Пирогов. – М.: АН СССР, 1950. – 652 с.
82. Плетнев П. А. О народности в литературе [Текст] / П. А. Плетнев // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. 1–30.
83. По поводу «Записок» И. Д. Якушкина и статьи о них П. Н. Свистунова [Текст] // Русский архив. – 1871. – Вып. 2. – С. 189–379.
84. Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков [Текст] / Сост. И. Б. Борисов и др. – М.: ЦИК, 2008. – 944 с.

85. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресение, 1994–1997. – Т. 14. – 580 с.
86. Ранчин А. М. Федор Тютчев: государственная служба поэта, публициста и историсофа [Текст] / А. М. Ранчин // Государственная служба. – 2014. – № 4. – С. 89–95.
87. Раскин А. В., Тарасов И. В. Информационное противоборство в современной войне [Текст] / А. В. Раскин, И. В. Тарасов // Информационные войны. – 2014. – № 4 (32). – С. 2–6.
88. Реизов Б. Г. Русские эпизоды в творчестве Стендаля [Текст] / Б. Г. Реизов // Реизов Б. Г. Историко-литературные исследования. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 156–196.
89. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – М.: НЛЮ, 1998. – С. 5–40.
90. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. [Текст] / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–129.
91. Рейтблат А. И. Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Литературный факт. – 2018. – № 10. – С. 108–164.
92. Рейтблат А. И. Н. А. Полевой и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Литературный факт. – 2019. – № 4 (14). – С. 228–251.
93. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сборник документов [Текст] / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: Рос. фонд культуры; Российский Архив, 2006. – 706 с.
94. Самыгин С. И., Кузнецова А. В., Латышева А. Н. Информационные войны: ресурсы, методы воздействия и ключевые риски [Текст] / С. И. Самыгин, А. В. Кузнецова, А. Н. Латышева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 8/9. – С. 137–142.
95. Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880 [Текст] / И. Симбирцев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 383 с.
96. Симосато Т. Переосмысление концепции «народность»: С. С. Уваров как консервативный мыслитель [Текст] / Т. Симосато // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. – 2016. – Вып. 20. – С. 87–97.
97. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863) [Текст] / А. М. Скабичевский. – СПб.: Издательство Ф. Павленкова, 1892. – 495 с.
98. Соловьев Д. В. Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830-е – 1850-е гг. [Текст] / Д. В. Соловьев // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение: сб. ст. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 243–255.
99. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959. Т. 2, 11, 15.
100. Таньшина Н. П. Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) [Текст] / Н. П. Таньшина // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 91–108.
101. Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, вторая республика, начало второй империи [Текст] / Е. В. Тарле // Литературное наследство. – Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 563–663.
102. Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение [Текст] / Е. В. Тарле // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
103. Терещенко Я. В. Цензура и журналистика в период правления Николая I [Текст] / Я. В. Терещенко // Вестник РГГУ. – 2008. – № 11. – С. 80–86.

104. Тихонова А. В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.) [Текст]: Дисс...док. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Тихонова. – Брянск, 2014. – 417 с.
105. Троицкий И. М. III Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного [Текст] / И. М. Троицкий. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 318 с.
106. Тютчев Ф. И. <Докладная записка императору Николаю I. 1845 г.> [Текст] / Ф. И. Тютчев; публ. и прим. А. Л. Осповата; пер. с фр. В. А. Мильчиной // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 98–115.
107. Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 447 с.
108. Ускова Г. И. Отечественная война 1812 года и декабристы. К 200-летию Отечественной войны 1812 года [Текст] / Г. И. Ускова // Вестник МГУП. – Москва: ФГБОУ МПУ, 2011. – №12. – С. 44–56.
109. <Уваров С. С.> «В наше время...» [Текст] / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. III–VII.
110. Уваров С. С. Избранные труды [Текст] / С. С. Уваров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 719 с.
111. <Уваров С. С.> Циркулярное предложение г. управляющего министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством [Текст] / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. XLIX–L.
112. Удалов С. В. Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. науч. тр. [Текст] / С. В. Удалов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – Вып. 21. – С. 77–85.
113. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры [Текст] / Б. А. Успенский // Россия / Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология: Мат-лы междунар. конф. (Неаполь, май 1997). – М.: О. Г. И., 1999. – С. 7–19.
114. Федосова Е. И. Первое «сердечное согласие» (К вопросу о франко-английских отношениях в 30–40-е гг. XIX в.) [Текст] / Е. И. Федосова // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 201–219.
115. Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» [Текст] / В. А. Францев. – Прага, 1929. – 144 с.
116. Фролова И. И., Фролова А. А. Информационная война в современных СМИ как фактор манипулятивного воздействия на общество: монография [Текст] / И. И. Фролова, А. А. Фролова. – Курск: Университетская книга, 2018. – 169 с.
117. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки [Текст] / А. С. Хомяков. – М.: Современник, 1988. – 461 с.
118. Хомяков А. С. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / А. С. Хомяков. – М.: Медиум, 1994. – Т. 2. – 478 с.
119. Черкасов П. П. Кризис Июльской монархии глазами агента Третьего отделения в Париже [Текст] / П. П. Черкасов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 5–7.
120. Черкасов П. П. На тайном фронте Крымской войны [Текст] / П. П. Черкасов // Новая и новейшая история. – 2007. – № 6. – С. 186–210.
121. Черных В. В. Адам Сагтынский – первый шеф российской разведки [Текст] / В. В. Черных // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6. – С. 302–308.

122. Шибаев Д. В. Методы противодействия информационной войне [Текст] / Д. В. Шибаев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 4 (9). – С. 60–67.
123. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х кн. [Текст] / Н. К. Шильдер. – М.: «Чарли», 1996–1997. – Кн. 1–2.
124. Штофер Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы [Текст] / Л. Л. Штофер // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 158–174. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13
125. Яблонский И. В., Слепкан Г. К. Зарождение европейской сети заграничной агентуры в период работы Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии [Текст] / И. В. Яблонский, Г. К. Слепкан // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики. Мат-лы Всероссийской научно-практич. конф. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 321–326.
126. Balzac H. de. Lettre sur Kiew // Balzac H. de. Oeuvres complètes. V. 1–28. – Vol. 28. – Paris, 1963. – P. 505–536.
127. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). – Paris: Fayard, 1967. – 641 p.
128. Cortambert R. Les illustres voyageurs. – Paris: E. Maillet, 1866. – 396 p.
129. Dumas A. Mes Mémoires. 2 v. – Paris: Gallimard Gallimard, 1954, vol. 1. – 531 p.
130. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. – Paris: Bertrand, 1843–1845. – 3 vol.
131. Mestscherski Élim. Les poètes russes traduits en vers français. – Paris, Librairie d'Amyot, Éditeur, 1846. – 2 vol.
132. Roquette de la. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie. – Paris, 1850. – Т. 14. – № 79–84. – P. 29–58.
133. Russian Demands on France // Westminster Review. – 1835. – Vol. XXIII. – P. 140–156.
134. Т...y J. Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? ou Observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé "Six mois en Russie". – Paris, 1827. – 32 p.

References

1. Abakumov O. Ju. *Tret'e Otdelenie na Strazhe Nравstvennosti i Blagochinija. Zhandarmy v Bor'be so Vzjatkami i Porokom. 1826–1866 gg.* [The Third Department on Guard of Morality and Deanery. Gendarmes in the Fight Against Bribes and Vice. 1826–1866]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2017. 319 p.
2. Agapova S. G., Gushhina L. V. *Informacionnaja Vojna: Manipuljativnaja Strategija na Ponizhenie* [Information War: Manipulative Strategy to Decrease]. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoy Lingvistiki*, 2017, no. 3, pp. 27–34.
3. Azadovskij K. M., Ospovat A. L. *Tjutchev v Dnevnikе A. I. Turgeneva (1832–1844)* [Tjutchev in the Diary of A. I. Turgenев (1832–1844)]. *Literaturnoe Nasledstvo*, Moscow: Nauka Publ., 1989, vol. 97, part. 2, pp. 63–98.
4. Ajzenshtok I. Ja. *Francuzskie Pisateli v Ocenkah Carskoj Cenzury* [French Writers in the Assessments of the Tsarist Censorship]. *Literaturnoe Nasledstvo*, Moscow: Nauka Publ., 1939, vol. 33–34, pp. 769–858.
5. Aksakova V. S. *Dnevnik (1854–1855)* [Diary (1854–1855)]. St. Petersburg: Tipografija B. M. Vol'fa Publ., 1913. 174 p.
6. Anikeev V. E. *Istorija Francuzskoj Pressy (1830–1945)* [History of the French Press (1830–1945)]. Moscow: MGU Publ., 1999. 55 p.
7. Annenkova P. E. *Vospominanija* [Memories]. Krasnoyarsk: Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1977. 326 p.

8. Badaljan D. A. «*Moskovskij Telegraf*», «*Literaturnaja Gazeta*» i III Otdelenie: *Skrytaja Mehanika Pokrovitel'stva i Nakazanija* ["Moscow Telegraph", "Literaturnaya Gazeta" and Third Department: the Hidden Mechanics of Patronage and Punishment]. *Filosofija. Zhurnal Vysshej Shkoly Jekonomiki*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 128–157.
9. Badaljan D. A. «*Oficial'naja Narodnost'*» ili *Narodnost'*? S. S. Uvarov i A. S. Homjakov ["Official Nationality" or Nationality? S. S. Uvarov and A. S. Khomyakov]. *Tetradj po Konservatizmu*, 2018, no. 1, pp. 51–66.
10. Bajnev V. F. *Sovremennaja Informacionnaja Vojna kak Global'nyj Fenomen* [Modern Information War as a Global Phenomenon]. *Novaja Jekonomika*, 2012, no. 2 (60), pp. 219–223.
11. Barabash V. V., Kotelenec E. A., Lavrent'eva M. Ju. *Informacionnaja Vojna: k Genezisu Termina* [Information War: to the Genesis of the Term]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovanija*, 2019, no. 3, pp. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310.
12. Barsukov N. P. *Zhizn' i Trudy M. P. Pogodina. V 22-h kn.* [Life and Works of M. P. Pogodin in 22 Volumes]. St. Petersburg, 1888–1910, vol. 7. 620 p.
13. Batjushkov K. N. *Sochinenija. V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1989, vol. 2. 719 p.
14. Benkendorf A. H. *Vospominanija. V 2-h t.* [Memories in 2 Volumes.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2020, vol. 2: 1826–1837. 552 p.
15. Beskov A. A. *Chto Huzhe – Informacionnaja Vojna ili Strah pered Nej?* [What is Worse – Information War or Fear of it?]. *Informacionnye Vojny kak Bor'ba Geopoliticheskikh Protivnikov, Civilizacij i Razlichnyh Jetosov: Sb. Trudov.* Novosibirsk: SibGUTI Publ., 2018, pp. 78–88.
16. Bepalov D. N., Kazakov M. A. *Informacionnaja Vojna i Obespechenie Bezopasnosti* [Information War and Security]. *Vestnik MGIMO*, 2014, no. 6, pp. 82–87.
17. Bestuzhev N. A. *Izbrannaja Proza* [Selected Prose]. Moscow: Sovetskaja Rossija Publ., 1983. 336 p.
18. Bestuzhev-Marlinskij A. A. *Sochinenija. V: 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1981, vol. 2. 592 p.
19. Bibikov G. N. *A. H. Benkendorf i Politika Imperatora Nikolaja I* [A. Kh. Benkendorf and the Policy of Emperor Nicholas I]. Moscow: Tri Kvadrata Publ., 2009. 424 p.
20. Borisov A. N. *Osobyj Otdel Imperii. Istorija Zagranichnoj Agentury Rossijskih Specsluzhb* [Special Department of the Empire. History of the Foreign Agents of the Russian Special Services]. St. Petersburg; Moscow: Neva Publ., 2001. 479 p.
21. *V vidu Krymskoj Vojny. Zametki Diplomata pri Peterburgskom i Londonskom Dvorah (1852–1855 gg.)* [Before the Crimean War. Notes of a Diplomat at the St. Petersburg and London Courts (1852–1855)]. *Russkaja Starina*, 1887, vol. 54, no. 5, pp. 364–405.
22. Vetoshko L. I., Vetoshko A. N., Emel'janenko V. D. *Informacionnye Vojny v Internete i Cennostno-Mirovozzrencheskie Osnovanija Patriotizma* [Information Wars on the Internet and the Value and Ideological Foundations of Patriotism]. *Novaja Nauka: Problemy i Perspektivy*, 2016, no. 6–3, pp. 190–206.
23. *Vidok Figljarin: Pis'ma i Agenturnye Zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin in the III Department]. Moscow: NLO Publ., 1998. 704 p.
24. Vjazemskij P. A. *Poln. Sobr. Soch.: V 12 t.* [Complete Works in 12 Volumes]. St. Petersburg, 1878–1896, vol. 6, 7, 9.
25. Vjazemskij P. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 1986. 544 p.
26. Gercen A. I. *Sochinenija. V 9-ti tt.* [Works in 9 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1955–1958, vol. 3, 7, 9.

27. Gladyshev A. V. *Kazaki vo Francii v 1814 Godu: Obraz i Kollektivnaja Pamjat'* [Cossacks in France in 1814: the Image and Collective Memory]. *Ural'skij Istoricheskij Vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 15–24.
28. Golovashina O. V. *Nacional'naja Identichnost' v Rossii: Bazovaja Model'* [National Identity in Russia: Basic Model]. *Fractal simulation*, 2011, no. 2, pp. 64–73.
29. Goncharova T. N. *Russkaja Politika Kabinetov Restavracii i Ijul'skoj Monarhii* [Russian Policy of the Offices of the Restoration and the July Monarchy]. *Trudy Kafedry Istorii Novogo i Novejshego Vremeni*, St. Petersburg, 2017, no. 17 (2), pp. 48–79.
30. Grinchenko N. A., Patrusheva N. G. *Istorija Komiteta Cenzury Inostranoj* [History of the Foreign Censorship Committee]. *Komitet Cenzury Inostranoj v Peterburge, 1828–1917: Dokumenty i Materialy*. St. Petersburg: RNB Publ., 2006, pp. 7–16.
31. Gubina M. V. *Osobennosti Obraza Rossii v Soznanii Francuzskih Sovremennikov v 1814–1818 Godah* [Features of the Image of Russia in the Minds of French Contemporaries in 1814–1818]. *Rossija i Mir Glazami Drug Druga: Iz Istorii Vzaimovosprijatija. Vol. 2*. Moscow: IRI RAN Publ., 2002, pp. 153–162.
32. Gjugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
33. Druzhinin A. V. *Polin'ka Saks. Dnevnik* [Polinka Saks. Diary]. Moscow: Pravda Publ., 1989. 432 p.
34. Durylin S. N. *G-zha de Stal' i ee Russkie Omoshenija* [Madame de Stael and her Russian Relations]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1939, vol. 33–34, pp. 215–331.
35. Djuma A. *Putevye Vпечатlenija. V Rossii. Soch.: V 3-h t.* [Travel Impressions. In Russia. Composition in 3 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1993, vol. 2. 432 p.
36. Ermashov D. V. *Politicheskie Vozzrenija S. S. Uvarova* [Political Views of S. S. Uvarov]. *Pravoslavnyj Obrazovatel'nyj Portal «Slovo»*. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/35439.php>. (Accessed 28.09.2021).
37. Esin B. I. *Rascvet Russkoj Zhurnalistiki* [The Flourishing of Russian Journalism]. *Russkij Jazyk za Rubezhom*, 1986, no. 2, pp. 105–109.
38. Zharkova T. V. *Informacionnaja Vojna kak Faktor Social'no-Politicheskoj Kommunikacii* [Information War as a Factor of Social and Political Communication]. *Chelovek v Informacionnom Prostranstve*. Jaroslavl: JaGPU im. K. D. Ushinskogo Publ., 2014, pp. 94–103.
39. *Za mnogo Let. Vospominanija Neizvestnogo (1854–1857)* [For Many Years. Memoirs of an Unknown (1854–1857)]. *Russkaja Starina*, 1894, no. 9, pp. 44–62.
40. Zipunnikova N. N. *Ideologema «Samoderzhavie–Pravoslavie–Narodnost'» v Politike Gosudarstva v Sfere Obrazovanija* [Ideologema "Autocracy–Orthodoxy–Nationality" in the State Policy in the Field of Education]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki*, 2010, no. 4, pp. 7–16.
41. Zolotuhin V. M. *Sohranenie Sociokul'turnoj Rossijskoj Identichnosti v Prostranstve Informacionnyh Vojn* [Preservation of Socio-Cultural Russian Identity in the Space of Information Wars]. *Informacionnye Vojny kak Bor'ba Geopoliticheskikh Protivnikov, Civilizacij i Razlichnyh Jetosov: Sb. Trudov*. Novosibirsk: SibGUTI Publ., 2018, pp. 231–239.
42. Zorin A. L. *Kormija Dvuglavogo Orla...: Literatura i Gosudarstvennaja Ideologija v Rossii v Poslednej Treti XVIII – Pervoj Treti XIX Veka* [Feeding the Two-Headed Eagle...: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: NLO Publ., 2001. 416 p.
43. Ivanov A. A., Matienko T. L., Jeriashvili N. D. *Vysshaja Voinskaja Policija kak Organ Razvedki i Kontrrazvedki Russkoj Armii Nachala XIX Veka* [Higher Military Police as Secret Service of the Russian Army at the Beginning of the 19th]. *Kriminologicheskij Zhurnal*. 2020, no. 4, pp. 8–10.

44. *Informacionno-Psihologicheskaja i Kognitivnaja Bezopasnost'. Kollektivnaja Monografija* [Informational-Psychological and Cognitive Security. Collective Monograph]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2017. 300 p.
45. Itenberg V. S. *Rossija i Velikaja Francuzskaja Revoljucija* [Russia and the Great French Revolution]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 253 p.
46. Iudin A. A., Rjumin A. M., Shpil'jov D. A. *Informacionnaja Vojna v Internet: Zapadnye Obyvateli o Rossii* [Information War on the Internet: Western Inhabitants about Russia]. Nizhny Novgorod: NISOC Publ., 2011. 156 p.
47. Kazakov N. I. *Ob Odnog Ideologicheskoy Formule Nikolaevskoj Jepohi* [About one Ideological Formula of the Epoch of Nicholas I]. *Kontekst-1989: Literaturno-Teoreticheskie Issledovanija*. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 5–41.
48. Kiselev V. S. *Ideologicheskij Kontekst «Sobranija Stihotvorenij, Otnosjashhihsja k Nezabvennomu 1812 Godu»* [Ideological Context of the "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812"]. *Sobranie Stihotvorenij, Otnosjashhihsja k Nezabvennomu 1812 Godu*. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul'tury Publ., 2015, pp. 449–469.
49. Koshelev V. A. *Aleksej Stepanovich Homjakov. Zhizneopisanie v Dokumentah, Rassuzhdenijah i Razyskanijah* [Alexey Stepanovich Khomyakov. Biography in Documents, Reasoning and Investigations]. Moscow: NLO Publ., 2000. 512 p.
50. Krasovskaja N. R., Guljaev A. A. *K Voprosu Klassifikacii Informacionnyh Vojn* [On the Classification of Information Wars]. *Sociologija Nauki i Tehnologij*, 2019, vol.10, no. 2, pp. 44–55.
51. Kudrjashova I. A., Selivanova I. Je. *Otrazhenie Informacionnoj Vojny Protiv Rossii v Ispanskoj i Nemeckoj Presse, ili «Krestovyj Pohod Demokratii» Protiv Rossii* [Reflection of the Information War against Russia in the Spanish and German Press, or the "Crusade of Democracy" against Russia]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 2 (44), part. 2, pp. 119–122.
52. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 Godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg: Kriga Publ., 2008. 704 p.
53. Lagutin M. S. *Permanentnost' Antirossijskih Informacionnyh Vojn. Prichiny i Metody (XVI–XIX vv.)* [Permanence of anti-Russian Information Wars. Causes and Methods (16th – 19th)]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovanija*, 2014, no. 6. Available at: www.stience-education.ru/ru/artide/view?id=16601 (Accessed 2.09.2021).
54. Lazhechnikov I. I. *Pohodnye Zapiski Russkogo Oficera* [Military Notes of a Russian Officer]. St. Petersburg: Medicinskaja tipografija Publ., 1820. 349 p.
55. Larionova E. O. *Pushkin i ego Chitateli v 1831–1833 Godah* [Pushkin and his Readers in 1831–1833]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike, 1831–1833*. St. Petersburg: Gosudarstvennyj Pushkinskij Teatral'nyj Centr Publ., 2003, pp. 5–25.
56. Lemke M. K. *Nikolaevskie Zhandarmy i Literatura 1826–1855 gg. (po Podlinnym Delam Tret'ego Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii)* [Nikolay's Gendarmes and Literature 1826–1855 (on the True Affairs of the Third Department of His own Imperial Majesty's Chancellery)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S. V. Bunina Publ., 1908. 614 p.
57. Lermontov M. Ju. *Sobr. Soch.: V 4-h t.* [Collected Works in 4 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1979–1981, v. 2. 575 p.
58. Linder I. B., Churkin S. A. *Specsluzhby Rossii za 1000 Let* [Special Services of Russia for 1000 Years]. Moscow: RIPOL Klassik Publ., 2016. 784 p.
59. Lorier N. I. *Zapiski Dekabrista* [Notes by the Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1984. 416 p.
60. Ljejn R. *Publicistika Tjutcheva v Ocenke Zapadnoevropejskoj Pechati Konca 1840-h – Nachala 1850-h Godov* [Tjutchev's Journalism in the Assessment of the Western European Press of the

- Late 1840^s – Early 1850^s]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 231–252.
61. Mazon A. *Knjaz' Jelim* [Prince Elim]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 373–491.
  62. Makushin L. M. *Cenzurnyj Rezhim i Razvitie Sistemy Pechati* [Censorship Regime and Development of the Printing System]. *Izvestija Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 1. Problemy Obrazovanija, Nauki i Kul'tury*, 2008, no. 60:24, pp. 103–111.
  63. Medovkina L. Ju. *Vlijanie SMI na Mirovuju Politiku Posredstvom Informacionnyh Vojn* [The Influence of the Media on World Politics Through Information Wars]. *Nauka Krasnojars'ja*, 2016, no. № 6 (39), pp. 58–69.
  64. Mil'china V. A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony* [Russia and France. Diplomats. Literators. Spies]. St. Petersburg: Giperion Publ., 2006. 528 p.
  65. Mil'china V. A. *Sharl' Djuran – Francuzskij Zhurnalist v Nemeckom Gorode na Sluzhbe u Rossii* [Charles Durand is a French Journalist in a German City in the Service of Russia]. *Lotmanovskij Sbornik, no. 2*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU Publ., 1997, pp. 303–327.
  66. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Peterburgskij Kabinet Protiv Markiza de Kjustina* [Petersburg Cabinet against the Marquis de Custine]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1995, no. 13, pp. 272–284.
  67. Modzalevskij B. L. *Jakov Nikolaevich Tolstoj* [Yakov Nikolaevich Tolstoy]. St. Petersburg: Obshhestvennaja Pol'za Publ., 1899. 55 p.
  68. Nechkina M. V. A. *S. Griboedov i Dekabristy* [A. S. Griboyedov and the Decembrists]. Moscow: AN SSSR Publ., 1951. 624 p.
  69. Nikitenko A. V. *Dnevnik. V 3-h tt.* [Diary in 3 Volumes]. Leningrad: Goslitizdat Publ., 1955–1956, vol. 1. 539 p.
  70. *Novosti i Smes'* [News and mix]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1840, vol. 26, no. 4, pp. 1–10.
  71. Orehov V. V. «*Klevetnikam Rossii*»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": the Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.
  72. Orehov V. V. «*Partizanskaja Taktika*» *Informacionnoj Vojny. Chast' I: S. N. Glinka, D. V. Davydov* ["Guerrilla Tactics" of Information Warfare. Part I: S. N. Glinka, D. V. Davydov]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 174–188.
  73. Orehov V. V. Publikacii A. S. Homjakova v Kontekste Literaturnoj Bor'by za Nacional'nyj Imidzh [Publications by A. S. Khomyakov in the Context of the Literary Struggle for the National Image]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 71–78.
  74. Orehova L. A. *O Prepodavanii Russkogo i Nacional'nyh Jazykov v Uchebnyh Zavedenijah Tavricheskoj Gubernii Pervoj Treti XIX Veka* [Teaching Russian and National Languages in Educational Institutions of the Taurida Province in the First Third of the 19th Century]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
  75. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja Vojna v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vjazemskogo* [Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma. Simferopol'*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
  76. Ospovat A. L. *Novonajdenyj Politicheskij Memorandum Tjutcheva: k Istorii Sozdanija* [Newly Found Political Memorandum by Tyutchev: to the History of Creation]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 89–97.

77. Ospovat A. L. *Tjutchev i Zagranichnaja Sluzhba III Otdelenija* [Tyutchev and the Foreign Service of the III Department]. *Tynjanovskij Sbornik. Pjatyje Tynjanovskie Chtenija*. Riga, 1994, pp. 110–138.
78. Ospovat A. L. *Jelementy Politicheskoy Mifologii Tjutcheva: (Kommentarij k Stat'e 1844 g.)* [Elements of Tyutchev's Political Mythology: (Commentary to the Article of 1844)]. *Tjutchevskij Sbornik: 2*. Tartu, 1999, pp. 227–263.
79. *Ocherki Istorii Rossijskoj Vneshnej Razvedki v 6-ti tt. T. 1. Ot Drevnejshih Vremen do 1917 Goda* [Essays on the History of Russian Foreign Intelligence in 6 Vols. Vol. 1. From Ancient Times to 1917]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenija Publ., 1995. 240 p.
80. Parsamov V. S. *Dekabristy i Francija* [Decembrists and France]. Moscow: RGGU Publ., 2010. 432 p.
81. Pirogov N. I. *Sevastopol'skie Pis'ma i Vospominanija* [Sevastopol Letters and Memoirs]. Moscow: AN SSSR Publ., 1950. 652 p.
82. Pletnev P. A. *O Narodnosti v Literature* [About Nationality in Literature]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. 1–30.
83. *Po Povodu «Zapisok» I. D. Jakushkina i Stat'i o nih P. N. Svistunova* [Regarding "Notes" by I. D. Yakushkin and Articles about them by P. N. Svistunov]. *Russkij Arhiv*, 1871, no. 2, pp. 189–379.
84. *Politicheskie Instituty, Izbiratel'noe Pravo i Process v Trudah Rossijskih Myslitelej XIX–XX Vekov* [Political Institutions, Electoral Law and Process in the Works of Russian Thinkers of the 19th – 20th]. Moscow: CIK Publ., 2008. 944 p.
85. Pushkin A. S. *Polnoe Sobranie Sochinenij: V 19 t.* [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskresenie Publ., 1994–1997, v. 14. 580 p.
86. Ranchin A. M. *Fedor Tjutchev: Gosudarstvennaja Sluzhba Pojeta, Publicista i Istoriosofa* [Fedor Tyutchev: Public Service of the Poet, Publicist and Historiosophist]. *Gosudarstvennaja Sluzhba*, 2014, no. 4, pp. 89–95.
87. Raskin A. B., Tarasov I. V. *Informacionnoe Protivoborstvo v Sovremennoj Vojne* [Information Confrontation in Modern War]. *Informacionnye Vojny*, 2014, no. 4 (32), pp. 2–6.
88. Reizov B. G. *Russkie Jepizody v Tvorchestve Stendalja* [Russian Episodes in the Work by Stendhal]. Reizov B. G. *Istoriko-Literaturnye Issledovanija*. Leningrad: Leningradskij Universitet Publ., 1991, pp. 156–196.
89. Rejtblat A. I. *Bulgarin i III Otdelenie* [Bulgarin and III Department]. *Vidok Figljarin: Pis'ma i Agenturnye Zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie*. Moscow: NLO Publ., 1998, pp. 5–40.
90. Rejtblat A. I. *Bulgarin i III Otdelenie v 1826–1831 gg.* [Bulgarin and the III Department in 1826–1831]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–129.
91. Rejtblat A. I. *Nabljudatel'nyj Nabljudatel': N. I. Grech i III Otdelenie* [Supervisory Observer: N. I. Grech and III Department]. *Literaturnyj Fakt*, 2018, no. 10, pp. 108–164.
92. Rejtblat A. I. *N. A. Polevoj i III Otdelenie* [N. A. Polevoy and III Department]. *Literaturnyj Fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 228–251.
93. *«Rossija pod Nadzorom»: Otchety III Otdelenija 1827–1869: Sbornik Dokumentov* ["Russia under Supervision": Reports of the III Department 1827–1869: Collection of Documents]. Moscow: Rossijskij Fond Kul'tury; Rossijskij Arhiv Publ., 2006. 706 p.
94. Samygin S. I., Kuznecova A. V., Latysheva A. N. *Informacionnye Vojny: Resursy, Metody Vozdejstvija i Ključevye Riski* [Information Wars: Resources, Methods of Influence and Main Risks]. *Gumanitarnye, Social'no-Jekonomicheskie i Obshhestvennye Nauki*, 2016, no. 8/9, pp. 137–142.
95. Simbircev I. *Tret'e Otdelenie. Pervyj Opyt Sozdanija Professional'noj Specsluzhby v Rossijskoj Imperii. 1826–1880* [Third Department. The First Experience of Creating a Professional Special Service in the Russian Empire. 1826–1880]. Moscow: Centrpolirraf Publ., 2006. – 383 p.

96. Simosato T. *Pereosmyslenie Konceptii «Narodnost'»: S. S. Uvarov kak Konservativnyj Myslitel'* [Rethinking the Concept of "Nationality": S. S. Uvarov as a Conservative Thinker]. *Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo Filosofskogo Obshhestva*, 2016, no. 20, pp. 87–97.
97. Skabichevskij A. M. *Ocherki Istorii Russkoj Cenzury (1700–1863)* [Essays on the History of Russian Censorship (1700–1863)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo F. Pavlenkova Publ., 1892. 495 p.
98. Solov'ev D. V. *Proekty Izdanij Politicheskikh Zhurnalov i Gazet v Rossii v 1830-e –1850-e gg.* [Projects of Publications of Political Magazines and Newspapers in Russia in the 1830^s–1850^s]. *Vlast', Obshhestvo i Reformy v Rossii v XIX – nachale XX veka: Issledovaniya, Istoriografija, Istochnikovovedenie*. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2009, pp. 243–255.
99. Stendal'. *Sobranie Sochinenij: V 15-ti t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Moscow: Pravda Publ., 1959, vol. 2, 11, 15.
100. Tan'shina N. P. *Antirossijskie Nastroenija vo Francii v Gody Ijul'skoj Monarhii (1830–1848)* [Anti-Russian Mood in France During the July Monarchy (1830–1848)]. *Novaja i Novejšaja Istorija*, 2017, no. 4, pp. 91–108.
101. Tarle E. V. *Donesenija Jakova Tolstogo iz Parizha v III Otdelenie. Ijul'skaja Monarhija, Vtoraja Respublika, Nachalo Vtoroj Imperii* [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to III Department. The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 563–663.
102. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaja I i Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*, 1906, no. 9, pp. 12–42.
103. Tereshhenko Ja. V. *Cenzura i Zhurnalistika v Period Pravljenja Nikolaja I* [Censorship and Journalism During the Reign of Nicholas I]. *Vestnik RGGU*, 2008, no. 11, pp. 80–86.
104. Tihonova A. V. *Nadzor za Inostrancami v Rossijskoj Imperii (1801–1861 gg.): Diss. ... Dokt. Istor. Nauk* [Supervision of Foreigners in the Russian Empire (1801–1861)]. Bryansk, 2014. 417 p.
105. Trockij I. M. *III Otdelenie pri Nikolae I. Zhizn' Shervuda-Vernogo* [III Department under Nicholas I. Life of Sherwood-Verny]. – Leningrad: Lenizdat Publ., 1990. 318 p.
106. Tjutchev F. I. *Dokladnaja Zapiska Imperatoru Nikolaju I. 1845 g.* [Memorandum to Emperor Nicholas I. 1845]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 98–115.
107. Tjutchev F. I. *Sochinenija. V 2-h t.* [Compositions in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1984, v. 2. 447 p.
108. Uskova G. I. *Otechestvennaja Vojna 1812 Goda i Dekabristy* [The Patriotic War of 1812 and the Decembrists]. *Vestnik MGUP*, 2011, no. 12, pp. 44–56.
109. Uvarov S. S. «*V Nashe Vremja...*» ["In Our Time..."]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. III–VII.
110. Uvarov S. S. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPJEN Publ., 2010. 719 p.
111. Uvarov S. S. *Cirkuljarnoe Predlozhenie g. Upravljajushhego Ministerstvom Narodnogo Prosveshhenija Nachal'stvam Uchebnyh Okrugov o Vstuplenii v Upravlenie Ministerstvom* [Circular Proposal by the Minister of Public Education to the Heads of Educational Districts to Join the Administration of the Ministry]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. XLIX–L.
112. Udalov S. V. *Teorija Oficial'noj Narodnosti: Mehanizmy Vnedrenija* [Theory of the Official Nationality: Mechanisms of Implementation]. *Osvoboditel'noe Dvizhenie v Rossii*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2006, no. 21, pp. 77–85.
113. Uspenskij B. A. *Russkaja Intelligencija kak Specificheskij Fenomen Russkoj Kul'tury* [Russian Intelligentsia as a Specific Phenomenon of Russian Culture]. *Rossija / Russia. Vyp. 2 (10): Russkaja Intelligencija i Zapadnyj Intellektualizm: Istorija i Tipologija*. Moscow: O. G. I. Publ., 1999, pp. 7–19.

114. Fedosova E. I. *Pervoe «Serdechnoe Soglasie» (K Voprosu o Franko-Anglijskikh Otnoshenijah v 30–40-e gg. XIX v.)* [The First "Cordial Agreement" (On the Question of French-English Relations in the 30–40s of the 19th)]. *Francuzskij Ezhegodnik 2008: Anglija i Francija – Sosed i Konkurenty. XIV–XIX vv.* Moscow: LKI Publ., 2008, pp. 201–219.
115. Francev V. A. *Pushkin i Pol'skoe Vosstanie 1830–1831 g. Opyt Istoricheskogo Kommentarija k Stihotvorenijam "Klevetnikam Rossii" i "Borodinskaja Godovshhina"* [Frantsev V. A. Pushkin and the Polish Uprising of 1830–1831. Attempted Historical Commentary on the Poems "Slanderers of Russia" and "Borodino Anniversary"]. Praga, 1929. 144 p.
116. Frolova I. I., Frolova A. A. *Informacionnaja Vojna v Sovremennyh SMI kak Faktor Manipuljativnogo Vozdejstvija na Obshhestvo: Monografija* [Information War in Modern Media as a Factor of Manipulative Influence on Society: Monograph]. Kursk: Universitetskaja kniga Publ., 2018. 169 p.
117. Homjakov A. S. *O Starom i Novom. Stat'i i Ocherki* [About the Old and the New. Articles and Essays]. Moscow: Sovremennik Publ., 1988. 461 p.
118. Homjakov A. S. *Sochinenija. V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Medium Publ., 1994, vol. 2. 478 p.
119. Cherkasov P. P. *Krizis Ijul'skoj Monarhii Glazami Agenta Tret'ego Otdelenija v Parizhe* [The Crisis of the July Monarchy through the Eyes of an Agent of the Third Department in Paris]. *Vestnik Jaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2007, no. 2, pp. 5–7.
120. Cherkasov P. P. *Na Tajnom Fronte Krymskoj Vojny* [On the Secret Front of the Crimean War]. *Novaja i Novejshaja Istorija*, 2007, no. 6, pp. 186–210.
121. Chernyh V. V. *Adam Sagtynskij – Pervyj Shef Rossijskoj Razvedki* [Adam Sagtynsky – the First Chief of Russian Intelligence]. *Nauchnyj Dajdzhest Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii*, 2020, no. 6, pp. 302–308.
122. Shibaev D. V. *Metody Protivodejstvija Informacionnoj Vojne* [Methods of Countering Information War]. *Rossijskij Zhurnal Pravovyh Issledovanij*, 2016, no. 4 (9), pp. 60–67.
123. Shil'der N. K. *Imperator Nikolaj Pervyj, Ego Zhizn' i Carstvovanie. V 2-h kn.* [Emperor Nicholas I, His Life and Reign in 2 Volumes]. Moscow: Charli Publ., 1996–1997.
124. Shtofer L. L. *Informacionnaja Vojna kak Radikal'naja Forma Politicheskoy Bor'by* [Information War as a Radical Form of Political Struggle]. *Gumanitarij Juga Rossii*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 158–174. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13.
125. Jablonskij I. V., Slepkan G. K. *Zarozhdenie Evropejskoj Seti Zagranichnoj Agentury v Period Raboty Tret'ego Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii* [The Emergence of a European Network of Foreign Agents during the Work of the Third Department of His Imperial Majesty's Chancellery]. *Pravo, Gosudarstvo i Jekonomika: Problemy Teorii, Istorii i Praktiki*. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii Publ., 2017, pp. 321–326.
126. Balzac H. de. *Lettre sur Kiev // Balzac H. de. Oeuvres complètes. Vol. 28.* Paris, 1963, pp. 505–536.
127. Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Paris: Fayard, 1967. 641 p.
128. Cortambert R. *Les illustres voyageurs*. Paris: E. Maillat, 1866. 396 p.
129. Dumas A. *Mes Mémoires. 2 v.* Paris: Gallimard Gallimard, 1954, vol. 1. 531 p.
130. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> *Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale*. Paris: Bertrand, 1843–1845. 3 vol.
131. Mestscherski Élim. *Les poètes russes traduits en vers français*. Paris, Librairie d'Amyot, Éditeur, 1846. 2 vol.
132. Roquette de la. *Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie*. Paris, 1850, vol. 14, no 79–84, pp. 29–58.

133. *Russian Demands on France // Westminster Review*, 1835, vol. XXIII, pp. 140–156.

134. T...y J. *Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? ou Observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé "Six mois en Russie"*. Paris., 1827. 32 p.

**“PARTISAN TACTICS” OF INFORMATION WAR.
PART II: INFORMATION SECURITY IN THE EPOCH OF NICHOLAS I**

Orekhov V. V.

The article analyzes the principles of the information policy of Nicholas I. The matter concerns the dissemination of information within Russia and in the international space. This problem is relevant, since the information policy of Nicholas I vividly illustrates important shortcomings in the information security system. We believe that the main such drawback was the lack of a systematic, rational and objectified approach to protecting the state from information threats. The article also analyzes the effectiveness of censorship in the era of Nicholas I. Censorship was supposed to prevent European political ideas and anti-Russian information from entering Russia. This led to a narrowing of freedom of speech within the country, but did not block the flow of anti-Russian information from Europe. We also examine the strategy and tactics of the administration of Nicholas I in organizing counter-propaganda in Europe. We find out that serious mistakes were made in this area. Nicholas I underestimated the power of public opinion and the capabilities of the media. In addition, the emperor did not trust the voluntary initiatives of writers who sought to protect the prestige of Russia. All this led to the defeat of Nicholas I in the information war on the eve of the Eastern crisis.

Key words: imagology, information security, reciprocal reception, censorship, III Department, Y. N. Tolstoy, A. S. Khomyakov, P. A. Vyazemsky, F. I. Tyutchev.